

Ева Тончар

СОБЛАЗН Осенних акварелей

Ева Гончар

**Соблазн осенних акварелей.
Психологический детектив**

«Издательские решения»

Гончар Е.

Соблазн осенних акварелей. Психологический детектив /
Е. Гончар — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909348-6

Единственное, чего хотела Майя — вырваться ненадолго из серого и сырого московского октября, а заодно помочь управляющему «Сердца гор» выяснить, кто и зачем треплет нервы обитателям вверенного его заботам заведения. Она и представить себе не могла, что игра в детектив превратится в опасное расследование, от исхода которого будет зависеть судьба её близких. И уж тем более не предполагала, что десять осенних дней перевернут вверх тормашками всю её устоявшуюся жизнь.

ISBN 978-5-44-909348-6

© Гончар Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Дом с привидениями	6
Глава 2. Кофе с коньяком	16
Глава 3. Бархатный сезон	25
Глава 4. Ночные контуры, дневные краски	35
Глава 5. Удержаться на краю	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Соблазн осенних акварелей Психологический детектив

Ева Гончар

Дизайнер обложки Ольга Кандела

© Ева Гончар, 2018

© Ольга Кандела, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-9348-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Дом с привидениями

Телефон подал голос, когда Майя наклонилась, чтобы застегнуть сапоги – чёрные замшевые сапоги на высоком крепком каблуке, только вчера купленные в попытке улучшить настроение. За окнами хлестал холодный октябрьский дождь, по тротуарам текли ручьи, сапоги было жалко, и Майя собиралась вызвать такси – садиться за руль она не любила, на работу и обратно предпочитая ездить на метро.

Она подняла один за другим замочки «молний» и выпрямилась. Телефон надрывался, на экране светилось «Русаков А.», но чья это фамилия, сообразить не удавалось. Только бы не клиент, подумала Майя с беспокойством. Клиентов она теперь не брала – от небольшой частной практики, оставшейся с тех давних пор, когда она была обычным психотерапевтом, Майя уже четыре месяца, как избавилась. Но люди по старой памяти продолжали ей звонить, и она всякий раз мучилась угрызениями совести, отказывая тем, кто нуждался в помощи.

Несмотря на это, игнорировать телефонные звонки Майя себе не позволяла, а потому, помедлив ещё секунду, коснулась значка «Ответить».

– Майя Шустова. Слушаю вас.

– Майя Михайловна, здравствуйте! – раздался в трубке смутно знакомый энергичный мужской голос. – Это Артём Русаков. Артём из «Сердца гор», – пояснил мужчина, не дожидаясь, когда она откликнется. – Помните меня?

Майя даже засмеялась от облегчения.

– Здравствуйте, Артём. Конечно, я вас помню.¹

После отъезда из «Сердца гор» они не разговаривали. На Восьмое марта и на день рождения Майя получила от Артёма открытки, а в начале лета сама написала ему письмо – предупредила, что в августе, как планировалось, приехать не сможет. Администратор любезно ответил, что приглашение остаётся в силе и она может воспользоваться им, когда захочет, главное, чтобы в гостевом доме в тот момент имелся свободный номер. Этим их общение и ограничилось.

– Я в Москве, – сообщил теперь Артём, – На выставке по гостиничному делу. И вот... решил вам позвонить... Майя Михайловна, мне очень нужен ваш совет.

– Совет? Какой? – слегка удивилась она.

Он вздохнул:

– Это не телефонный разговор. Если можно, я хотел бы с вами встретиться.

Почему бы и нет, рассудила Майя. Поездка в «Сердце гор» оставила у неё приятные воспоминания, Артём был ей симпатичен, а реплика о «нетелефонном разговоре» возбудила любопытство.

– Хорошо, давайте встретимся, – ответила она после недолгого раздумья.

– Спасибо большое! – обрадовался её собеседник. – Давайте, я подъеду, куда и когда вы скажете.

– Вы на машине?

– Да.

– Тогда заберите меня с работы прямо сейчас, – предложила Майя – сегодняшний вечер был у неё свободен.

Она объяснила дорогу. Выяснилось, что Артём находится в нескольких кварталах от неё, так что долго ждать его не пришлось. Майя вышла из здания экспертного центра и замерла под широким козырьком, с края которого стекали ядовито-жёлтые от фонарного света дождевые струи. Ей требовалось глотнуть свежего воздуха – хотя какая уж тут свежесть, посреди перегру-

¹ Предшествующие события описаны в книге «Каникулы в „Сердце гор“».

женной в час пик центральной улицы? Минут через пять напротив входа остановился светло-зелёный «рено-логан», из которого выскочил рослый плечистый парень с большим зонтом. Парень подбежал к ней, она узнала его широкое улыбочливое лицо с живыми тёмными глазами.

– Идёмте скорее, Майя Михайловна, – воскликнул он, приглашая её под зонт. – Жесть, а не погода!

Она сама не заметила, как оказалась в тёплом и сухом автомобильном салоне, и даже ног замочить не успела. Артём бросил на заднее сиденье сбрызнутую дождём куртку, оставшись в бежевой толстовке с коричневой надписью: «Нормально ДЕЛАЙ – нормально БУДЕТ!» Устроился на своём месте, положил руки на руль и улыбнулся.

– Как я рад, что сумел вас найти!

Видно было, что, действительно, рад.

Мимо проехал грязный серый внедорожник неведомой марки. Майя вдруг вспомнила, что на таком же, только белом, Артём разъезжал в Абхазии.

– Это ваша машина? – поинтересовалась она, имея в виду «рено».

– Нет, не моя. Сюда я на самолёте... Машину взял напрокат. Не люблю ходить пешком, особенно по такой погоде.

Майя расстегнула верхние пуговицы плаща, поудобнее разместила усталые ноги.

– Вы же поговорить хотели, верно?

– Верно, – кивнул Артём.

– Тогда предлагаю где-нибудь поужинать. Там и поговорим. Не знаю, как у вас, а у меня обед был очень давно.

По правде сказать, пообедать по-человечески Майя сегодня забыла вовсе, но вспомнила об этом только сейчас.

– С удовольствием! – отозвался парень. – Где? Я здесь у вас почти ничего не знаю.

Майя выбрала итальянский ресторан на Таганке, который всегда её радовал не только отменным качеством еды, но и разумными ценами, и не слишком громкой музыкой. Артём нашёл адрес в навигаторе, и они поехали.

По обе стороны от машины веером разлетались брызги, и чудилось, что никакая это не машина, а катер, плывущий по странной жёлтой реке. На лобовое стекло, вне досягаемости «дворников», налипали бурые кленовые листья. Артём молчал, не отрывая глаз от дороги. Майя догадывалась, что сумасшедшее московское движение выводит его из равновесия.

В ресторане им повезло занять столик на втором этаже, в удалении от главного зала – для разговоров этот тихий уголок подходил как нельзя лучше. Спутник Майи с необычайной ловкостью устроил её на диване. Миг – и Майин плащ уже висел на вешалке, сумочка лежала на широком подлокотнике, а сама она сидела, удобно опираясь о бело-голубую полосатую спинку.

Артём уселся напротив, придвинул к себе папку меню, раскрыл её, принялся перелистывать страницы, и Майя вдруг поняла, что он волнуется. Щёки у него горели, пальцы подрагивали. Предмет, о котором он собирался с ней советоваться, похоже, задевал его за живое. Порыв сказать Артёму что-нибудь ободрительное Майя подавила – молодому человеку не понравится, что его волнение не осталось незамеченным, это она чувствовала.

С заказом справились быстро.

– Так о чём же вы хотели посоветоваться, Артём? – мягко спросила Майя, когда официантка ушла; тратить время на вежливые «реверансы» было незачем.

– В двух словах и не объяснишь, – нахмурился он и опустил глаза. Взял бумажную салфетку и принялся было её сгибать, но отбросил и сцепил пальцы в замок. – Это касается «Сердца гор»...

– Я так и подумала.

– У нас там какая-то ерунда творится. И что с ней делать, я не знаю.

– Давно творится?

– С середины августа.

Артём достал из своей сумки и положил на стол планшет.

– Я хочу по порядку... Давайте, покажу, с чего всё началось.

Майя кивнула, он включил планшет, отыскал в нём, что требовалось, и развернул в Майину сторону.

На экране была страница отзывов с какого-то малоизвестного туристического сайта. Отзывы касались «Сердца гор», их набралось четыре штуки.

– Я монитору, что о нас пишут, – пояснил Артём, – и где-то числа шестнадцатого нашёл вот это.

Два отзыва были самыми обычными, немногословно-положительными: «отличный отель, всё понравилось, приеду ещё», «хорошо кормят, чисто, вежливый персонал». Но два других оказались развёрнутыми и очень странными. Один из авторов тоже хвалил чистоту и кухню, но признавался, что больше не приедет – регулярно слышал звуки «как в фильме ужасов», а ночью как-то раз видел на лестнице «парящую белую фигуру без лица». Второй в выражениях не стеснялся: дескать, условия проживания оценить даже не успел, сбежал вместе с семьёй на третий день, хотя собирался жить две недели – по ночам кричат, «как в притоне», сами собой открываются и закрываются двери, перемещаются мелкие вещи.

– Чушь какая, – дочитав, сухо сказала Майя и поморщилась. – Литературное творчество.

– Я тоже тогда так подумал, – кивнул Артём. – Тем более, что у нас пока не было такого, чтобы кто-то забронировал номер на две недели, а уехал через три дня. То есть это явное враньё. Может, конкуренты балуются, может, кто ещё.

«Кто ещё – это он Вахтанга имеет в виду!» – догадалась Майя. Ей хорошо запомнилось, каким оскорблённым выглядел племянник Натэллы, когда покидал «Сердце гор» – должно быть, Артём на прощание высказал всё, что думает о нём самом и о его делишках. Ничего хорошего гостевому дому физиономия Вахтанга не сулила. А вот про конкурентов Майе пока ничего известно не было.

– Конкуренты? – переспросила она вслух. – Мне казалось, кроме вас, в тех краях никого нет.

Артём покачал головой:

– Есть. С другой стороны деревни весной открылся «Приют в поднебесье». Они себя назвали мини-отелем. Строиться начали ещё до того, как мой дядя купил «Сердце гор», а закончили только теперь.

– Ясно, – кивнула Майя. – И какие у вас с ними отношения?

– Да вроде нормальные. Во всяком случае, раньше мне казалось, что нормальные. Горнолыжную трассу мы делаем общую. А так, у них дороже... услуг побольше, и море поближе... другой ценовой сегмент, понимаете?

– Угу.

– Дядя говорил, «Сердце гор» у него пытались перекупить. И в прошлом году, и в позапрошлом. Настаивали, предлагали хорошие деньги, но он отказался. Что за люди, я толком не знаю. Наверное, их тоже можно считать конкурентами.

Майя снова кивнула:

– Спасибо, я поняла. Но дело ведь не только в этих дурацких отзывах, верно? В интернете подобного мусора, поди, полным-полно?

Артём тяжело вздохнул и снова взялся за салфетку. Он по-прежнему сильно нервничал.

– Мусора много, конечно. Правда, когда хотят напакостить, обычно пишут про грязь, хамство и несвежую еду. Чтобы где-то там фигуры в белом и звуки, как в ужастике... такого я раньше не встречал. Но, в общем, да... прочитал, посмеялся и забыл. Тем более, что и сайт – та ещё помойка, нормальные люди по таким не ходят.

– И что было потом?

– А потом, Майя Михайловна... несколько дней спустя... семья из Казани – папа, мама, двое детей – пожаловалась мне, что у них по ночам под окнами кто-то воет. И пропадают детские зубные щётки, третий раз пришлось покупать новые. Щётки Натэлла потом нашла на полу в подвале. Как они туда попали – непонятно. И про вой мы так ничего и не выяснили. Семья, к счастью, оказалась не из слабонервных, прожили у нас, сколько собирались. Перед отъездом я их уговорил нигде пока об этом не писать. Пообещал разобраться и поделиться с ними разгадкой – явно же чьи-то шалости. Но, знаете, всех ведь не уговоришь!

– Всех? – пришёл черёд нахмуриться Майе. – Значит, были и другие?

– В том-то и дело! – встрепенулся Артём. – С тех пор гости стали жаловаться постоянно! На странные звуки, на шаги по ночам, на хлопающие двери, на пропажу вещей. То полотенце исчезнет из ванной и найдётся за забором. То детский надувной круг обнаружат на краю обрыва. То у носков пара теряется, и горничная приносит её из кухни. Ничего существенного пока не пропало, по-настоящему сильно никого не напугали, но я боюсь, что однажды это случится. До сих пор жаловались только мне лично, писать – нигде не пишут, может, не хотят выглядеть идиотами. Но стоит кому-то начать, и понесётся как снежный ком. Понимаете?

– Понимаю. А сами вы эти звуки слышали? У вас что-нибудь пропадало?

– Представьте себе, нет, Майя Михайловна. Не слышал и не пропадало.

Майя открыла было рот, спросить, обсуждал ли он все эти странности с персоналом, но передумала. Что-то тревожило её в том, как Артём себя вёл. Видно было: он недоговаривает. Вытягивать всю подноготную пока не стоило – сперва пускай расскажет то, что сам считает нужным.

В этот момент принесли заказ: Артёму – изрядную порцию лазаньи, тирамису и кофе; Майе – салат с рукколой и лёгким сыром и зелёный чай. Собираясь с мыслями, Майя подцепила вилкой листики рукколы и отправила их в рот. Её собеседник перекладывал с места на место столовые приборы, словно забыл, как ими пользоваться.

– Артём, – сказала Майя, прожевав, – ведь вы же не думаете, что у вас там завелось привидение или орудует полтергейст, не так ли?

– Не думаю, – мрачно ответил он. – Я уверен, что у «полтергейста» есть имя и фамилия. Его цель – подпортить репутацию «Сердца гор». Вероятно, это кто-то из тех, кто у меня работает. Но вычислить, кто, я не смог.

– А кто сейчас у вас работает? – уточнила она.

– Нури, Натэлла, Тамара – как раньше, – стал перечислять Артём. – Олесю я уволил ещё зимой и взял другую горничную. Нанял помощников себе и Нури, у него теперь большое хозяйство, я тоже один везде не успеваю. На лето брали девочку на кухню, но сейчас Натэлла справляется одна.

– В милицию вы, конечно, не обращались?

– Конечно, нет. Что я им скажу? Теряются зубные щётки?

– И дядя ваш, конечно, ещё не в курсе?..

– Тоже нет. Майя Михайловна, я хочу сначала сам!

«Он знает виновника, – продолжая за ним наблюдать, подумала Майя. – Знает, но не может доказать. Или не может поверить. Кто-то из тех, кого ему нельзя просто взять и уволить. Натэлла? Нури? Помощники? А может, там не помощник, а помощница, в которую он влюблён?..» Интуиция подсказывала ей, что причина, заставляющая Артёма нервничать – к еде он, кстати, так и не притронулся! – сложнее и глубже, чем беспокойство о судьбе доверенного ему гостевого дома.

– Сначала сам. Ладно, – Майя отложила вилку. – В вашей ситуации я обратилась бы к хорошему частному детективу. Но, полагаю, вы нашли меня не за тем, чтобы получить столь тривиальный совет.

– Я вас нашёл, чтобы вы подсказали мне, что я могу сделать своими силами, – смущённо ответил Артём. – Кого и о чём расспрашивать, как распознать, обманывают меня или нет, и всё такое. Вы так ловко всё распутали зимой, что... У меня, конечно, ни опыта, ни знаний, как у вас, но, может, я бы всё-таки справился...

И тут Майю, наконец, осенило, чего он хочет на самом деле! Ей-богу, могла бы и раньше сообразить – когда он только упомянул, что в «Сердце гор» происходит «какая-то ерунда».

– Артём-Артём, – она укоризненно покачала головой. – Насчёт распознавания лжи, я вас, конечно, кое-чему научу. Например, то, как вы держите голову и руки, свидетельствует, что прямо сейчас вы меня обманываете...

– Я – вас?! – он отпрянул, глаза у него расширились.

– Вы – меня. Вам не совет мой нужен, Артём. И не мастер-класс по выведению лжецов на чистую воду. Вы хотите, чтобы я поехала с вами в «Сердце гор» и снова всё распутала. Но предложить это напрямик вы стесняетесь, надеетесь, что заинтригуете меня, и я предложу сама. Я угадала?

– Да, – буркнул администратор и устался в стол.

Теперь у него были красными и лоб, и подбородок, и шея, а не только щёки.

– Ну и зачем эти дурацкие игры? – Майя примирительно улыбнулась и похлопала его по руке. – Могли бы начать сразу с главного – с того, что вам нужна помощь в расследовании.

– И вы бы согласились?

– Не знаю. Я и сейчас ещё не согласилась, мне нужно понять, как у меня со временем, и поговорить с семьёй.

– Можете поехать с ними вместе! – вскинув голову, поспешно сказал Артём.

– Мы все ужасно заняты, сезон отпусков давно закончился, – отмахнулась она. – Артём, я подумаю и завтра вам позвоню. Если у меня не выйдет отправиться с вами, я найду детектива, который всё сделает в лучшем виде и при этом не обдерёт вас как липку! Договорились?

Он закивал:

– Спасибо!..

– А сейчас, пожалуйста, поешьте, – велела Майя. – Дождаться, пока остынет такая роскошная лазанья – сущее варварство! И мне совсем не нравится чувствовать себя обжорой, сидя перед вами с пустой тарелкой.

Она была почти уверена, что согласится поехать. Ей нестерпимо сильно хотелось вырваться из Москвы.

* * *

Артём привёз Майю в Ясенево – тихий спальный район, где она жила уже полтора десятка лет. Проводил под зонтиком до двери подъезда и уехал, отказавшись выпить чаю – а она отправилась домой. Порыв помчаться, не откладывая, в «Сердце гор» у неё прошёл. Майя не была уверена, что сможет на неделю отложить работу, и не знала, как объяснить своё намерение семье – если рассказать им правду про странные происшествия в гостевом доме, так они, пожалуй, не отпустят. А кроме того, её корбила мысль о повторении сценария: она опять собиралась сбежать от неприятностей – и даже маршрут опять выбрала тот же самый! Вот только неприятности стали куда серьёзнее, чем зимой – но тем меньше смысла было от них бегать. «Не поеду, – разглядывая своё осунувшееся от усталости лицо в зеркале лифта, поморщилась Майя. – Найду Артёму толкового детектива. Он справится быстрее и лучше, чем я».

На звук повернувшегося в замке ключа в полутёмную прихожую вышел муж. Поздоровался, обнял за плечи, привычно коснулся губами Майиных губ. Думал при этом явно о чём-то своём. Его мимолётные объятия и поцелуи, которые Майя всегда любила, с некоторых пор

стали горчить. Игры в них теперь было больше, чем нежности – игры, призванной скрыть равнодушие.

Вадим окинул Майю близоруким взглядом поверх очков:

– Промокла, Маюш?

– Нет, меня довезли.

– Это хорошо, – одобрил он; кто довёз, не спросил.

– Девочки тут, да? – удивилась Майя, заслышав голоса на кухне.

Обычно близняшки раньше одиннадцати домой не добирались, а сейчас было всего без четверти девять.

– Как ни странно, да, – пожал плечами Вадим. – И Игорёк с ними.

Сославшись на работу, он исчез у себя в кабинете. Щёлкнула, закрываясь, дубовая дверь с нарядным витражом. «Работу закончить, как же...» – подумала Майя, отводя глаза от витража и чувствуя, как колет сердце. Ей было отлично известно, что за «работа» в последние месяцы ежевечерне удерживает мужа за компьютером.

Майя сняла уличное, разулась, сунула ноги в пушистые мягкие тапки и пошла на кухню, откуда тянулся запах тушёного мяса, моркови и пряностей. В кухне было светло и шумно. Компания за обеденным столом, увлечённая каким-то творческим процессом, Майино появления не услышала. На подоконнике, на диване и даже на полу в беспорядке пестрели наброски моделей одежды. Игорь, Анин парень, сидел во главе обеденного стола и что-то энергично доказывал, постукивая карандашом по исчерканному листу. Близняшки устроились с двух сторон от него и слушали, симметрично опираясь о стол испачканными в краске локтями. Аня поддакивала и кивала, Татьяна рвалась возразить, но видно было, что решающее слово всё равно останется за Игорем.

Смотрелась компания забавно. В начале учебного года девчонки внезапно сменили стиль. Если раньше они старались выглядеть хоть и похоже, но по-разному, намеренно подчёркивая индивидуальность, то теперь стали совершенно одинаковыми. Одна и та же короткая стрижка, один и тот же розовато-коричневый цвет волос, одни и те же украшения, одежда и макияж... Сама-то Майя, разумеется, по-прежнему различала дочек с полувзгляда. Но растолковать постороннему человеку, в чём между ними разница, она бы, пожалуй, не смогла. На вопрос, почему они так резко поменялись, близняшки, смеясь, заявили, что собираются разыгрывать однокурсников. Пусть развлекаются, сказала себе Майя и больше вопросов не задавала, несмотря на то, что прежние образы нравились ей гораздо больше.

Она застыла под аркой между коридором и кухней и вместо приветствия произнесла:

– Совсем вы стали на одно лицо, котятки. На твоём месте, Игорёк, я бы в них постоянно путалась.

Все трое вскинули на неё глаза.

– Мама! – обрадовались девчонки. – А мы и не заметили, как ты пришла.

– Добрый вечер, Майя Михайловна, – церемонно поздоровался Игорь, но тут же расплылся в улыбке: – Путаться? Вот ещё, с какой стати?! Я моего Асюнчика ни с кем не перепутаю.

Улыбка у него была потрясающая – широкая и безмятежная, как у пятилетнего. Он прыгнул к себе Анюту и чмокнул её в вихрастую макушку. Аня порозовела от удовольствия, на щеках заиграли ямочки.

– Всё лижутся и лижутся! – фыркнула Татьяна, отодвинула лежащие перед ней эскизы и встала. – Посиди с нами, мам. Давай, я чаю поставлю. Ужинать ты, конечно, не будешь?

– Не буду, малыш, – Майя опустила на свой стул. Мечты о ежедневных семейных ужинах, владевшие её воображением, когда она вернулась из «Сердца гор», так и остались просто мечтами. Она даже готова была поменять ради них сложившийся режим питания – но оказалось, что никому из близких это не нужно. – Вы поели?

– Само собой, – откликнулась Анюта. – Румия оставила плов.

Румия, приходящая домработница, готовила без изысков, но вкусно и сытно. Семейство к её стряпне давно привыкло и Майино январское намерение встать к плите, как полагается хорошей жене и матери, встретило с недоумением.

– Какого тебе чаю? – спросила Татьяна и загремела жестянками с душистыми смесями – сёстры питали слабость к дорогим чаям и травяным сборам.

Майя махнула рукой:

– Без разницы, на твой вкус!

Татьяна поставила греться воду, задумалась, выбирая. Краем глаза Майя наблюдала за нею, стараясь уловить настроение – всё боялась, что появление парня у одной из дочек заставит вторую ревновать или завидовать. Будь Майина воля, она бы позаботилась, чтоб кавалерами девочки обзавелись одновременно – очень уж ей не хотелось увидеть, как между ними пробежит чёрная кошка. К счастью, ни зависти, ни ревности Татьяна не демонстрировала. С Анютой и Игорем она общалась тепло и ровно, носилась вместе с ними по клубам и вечеринкам, и, может быть – как знать? – имелся в их компании кто-то четвёртый, кого пока не спешили показывать родителям. Во всяком случае, глаза у Тани в последние пару месяцев сияли так же ярко, как у её сестры, и аура влюблённости ощущалась Майей вполне отчётливо.

– А мы тут, Майя Михайловна, придумываем Танюше идеи для коллекции, – вклинился в Майины мысли голос Игоря. – Через две недели сдавать эскизы, а у неё ещё конь не валялся.

– Валялся у меня конь, валялся! – не оборачиваясь, проворчала Татьяна. – Я начала, но мне не понравилось. Пришлось всё выбросить.

– Раньше бы сказала, Тань, – вздохнула Анюта, – мы бы раньше тебе помогли. Одна голова хорошо, а три лучше.

Татьяна повела плечом – хватит, мол, радуйтесь, что хоть сейчас сказала! – и потянулась за глиняным заварочным чайничком с синим глазурованным носиком. Чайников в доме был целый арсенал.

– Да нестрашно, Ася, – Игорь снова улыбнулся. – Успеем! Смотри, сколько мы всего уже придумали!

На факультете дизайна они учились вместе, но специализация у них была разная. Девчонки выбрали то, чем увлекались с детства: Татьяна – дизайн одежды, Анюта – дизайн интерьеров. Игорь, опережавший близняшек на два курса, занимался дизайном автомобилей, и занимался уже по-настоящему – сотрудничал с автомобильным концерном и собирался продолжать там работать, получив диплом.

Основательный и на редкость здравомыслящий парень понравился Майе сразу – с того момента, как два месяца назад возник на пороге дома под руку с Анютой, и Анюта сказала: «Знакомьтесь, это Игорь. У нас всё серьёзно». В тот вечер он очень робел, но держался молодцом – вытерпел и допрос с пристрастием, учинённый ему Вадимом, и неотступное внимание Майи, чьей главной целью было понять, как Игорь относится к Анюте. Рыжеватый, щуплый, большеротый, ростом не выше среднего, он не выглядел красавчиком, и даже симпатичным его назвал бы не всякий. Но было в повадках и интонациях Игоря что-то такое, что заставляло к нему присматриваться, прислушиваться к его спокойному мягкому голосу. Поэтому вопроса, что в Игоре нашла Анюта, у родителей не возникло. «Какой хороший мальчик!» – сказала Майя мужу, когда они остались одни. «Хороший, – согласился Вадим. – Порядочный. Знает, чего хочет. И Аню он, кажется, любит». С Майиной точки зрения, слово «кажется» в этой фразе было лишним.

Татьяна поставила перед мамой дымящуюся чашку, уселась за стол и притянула к себе листы, которые Анюта и Игорь успели исчеркать, пока она заваривала чай. Не нужно им мешать, сообразила Майя – и решила поскорее перейти к делу. Пригубив питьё с запахом позднего лета, она сообщила:

- А мне сегодня предложили в понедельник улететь на море.
- На море? Правда?! – встрепенулась Анюта.
- Куда?! – подхватила Татьяна.
- В Абхазию. Туда, где я уже была – в «Сердце гор». Они подарили мне недельный тур – помните? Я ведь так его до сих пор и не использовала.
- Подарили тур? – поразился Игорь. – Чего это они так расщедрились?
- Зимой у них случилась неприятная история, которую я помогла распутать. И я же позаботилась, чтобы она осталась без последствий, – объяснила Майя. – Так что с их стороны это была попытка выразить благодарность.
- Это там её чуть лавиной не накрыло, – буркнула Анюта, поскучив. – Ужас, как вспомню, так вздрогну!
- Майя улыбнулась:
- В октябре лавин не бывает, дружок. Да и зимой в тех местах они бывают крайне редко. Спасатели тогда сказали, что такое стечение обстоятельств случается раз в сто лет.
- А чего ты сейчас вдруг решила ехать? – поинтересовалась Татьяна.
- Я пока не решила, я думаю. Со мной связался Артём – тамошний администратор. И напомнил, что приглашение всё ещё в силе, а сезон заканчивается, – объяснила Майя, рассудив, что «полтергейсте» дочкам лучше не знать. Звать их с собой она опасалась, хотя Артём и приглашал, но для вида всё же заметила: – Я предложила бы поехать вместе, но ведь у вас занятия...
- Занятия – ладно, хотя вон той девушке, – Игорь укоризненно посмотрел на Татьяну, – прогуливать точно не стоит. Но мы как раз на той неделе собирались на фестиваль. В среду вечером будет открытие.
- Что за фестиваль?
- Музыкальный. Называется «Окси-Бум», – ответила за всех Анюта.
- Мордашка у неё была кислая – отпускать маму в приснопамятное «Сердце гор» она явно не хотела.
- Ну, может, мне одной и не сто... – начала было Майя.
- Как это не стоит?! – решительно перебила Татьяна. – Мамулик, ты чего?! У тебя отпуск ещё остался?
- Как раз неделя и осталась.
- Вот и езжай! Охота тебе в Москве сидеть?
- Езжайте, Майя Михайловна, – подхватил Игорь и мечтательно протянул: – Море ещё ведь тёплое – даже купаться можно, наверное! А мы вам отсюда будем завидовать.
- Анюта вздохнула:
- Конечно, мам, если ты хочешь – то езжай.
- Посмотрим, котятки, – Майя глотнула ещё чаю, оставила чашку и поднялась на ноги. – Неизвестно, отпустят ли меня с работы. Я пока не спрашивала.
- Пожелав компании вдохновения, она отправилась разговаривать с мужем.
- Картина, которую она застала в кабинете, очень напоминала картину на кухне, только вместо художественных набросков здесь повсюду валялись распечатки научных статей, фотографии небесных объектов, непонятные схемы и рукописные заметки. Вадим сидел, всем корпусом подавшись к экрану компьютера, и торопливо свернул окно диалога при появлении жены. Майя притворилась, что не заметила. Этот жест она видела не впервые, и он уже не ранил её, как раньше, а лишь усиливал постоянное ощущение горечи.
- Вадик! – позвала она. – Ты сильно занят? Мне нужно с тобой посоветоваться.
- О чём, Маюш? – рассеянно откликнулся муж, по-прежнему глядя в экран.
- О том, не съездить ли мне на следующей неделе в «Сердце гор».
- В «Сердце гор»? – переспросил он. – Это где мы с тобой...

– Да. Это где мы были зимой.

Он, наконец, обернулся к ней и улыбнулся:

– Ты на море хочешь?

– Хочу. Но дело не в этом! Я сегодня встречалась с Артёмом, их администратором.

– Да-да, я помню. Он что, в Москве?

– Угу. Приехал по делам и нашёл меня – для того, чтобы попросить о помощи.

Тогда, зимой, Вадим с Артёмом прекрасно ладили, вспомнила Майя. «Тогда, зимой, мне ещё казалось, что в моей семье всё в порядке!» – подумала она с тоской. Перепуганный муж примчался в «Сердце гор» вслед за спасателями и хотел немедленно забрать её домой, но Майя убедила его остаться до конца каникул, о чём они оба ни на миг не пожалели. Это были волшебные дни – дни, до краёв наполненные настоящим, а не фальшивым теплом. Она решила тогда, что ненастье прошло стороной – или даже вовсе ей померещилось. Какой же наивной она тогда была!

– И что за помощь ему нужна? – уточнил Вадим.

Майя нахмурилась, подбирая слова:

– У Артёма проблемы... с персоналом. Похоже, кто-то начал вредить его гостинице в пользу конкурентов. Он хочет узнать, кто именно...

– И хочет, чтобы ты разобралась?

– Да.

– Полагаешь, это снова тот егерь?.. Как его?..

– Нури. Понятия не имею. Может быть, он, а может, и нет.

Зимой – муж был тому свидетелем – она сделала всё, что от неё зависело, чтобы помирить Нури с управляющим, научить их работать сообща. Потратила кучу слов, убеждая Артёма держаться со старым горцем как с равным, слушаться его советов, отдать часть хозяйства в его безраздельное ведение. Проводила душевспасительные беседы с Нури, рассказывая ему, какой хороший парень Артём, как важно для него добиться успеха в «Сердце гор» и как душевно заживёт сам Нури, когда конюшня и псарня примут первых обитателей. Возвращаясь в Москву, Майя чувствовала, что лёд между этими двоими начал подтаивать – но кто знает, что они успели начудить за девять месяцев, прошедших с её отъезда?

– Признайся честно, Маюш, ты действительно рвёшься помочь Артёму? – спросил Вадим с усмешкой. – Или тебе понравилось играть в детектива? А может, ты просто хочешь развеяться?

Майя неопределённо повела плечом:

– Сама не знаю. Я вообще пока не уверена, что хочу поехать. Но он попросил, и... Слушай, а не составишь мне компанию?

Он вскинул брови:

– Компанию? Извини, пожалуйста, не получится. В понедельник я должен быть в Питере, на конгрессе. Кажется, я тебе говорил...

Не говорил, но спорить она не стала.

Вдруг мысленно взмолилась: «Предложи! Предложи мне поехать в Питер вместе! Скажи: какая тебе разница, куда, если ты просто хочешь развеяться? Мы поедem, и всё у нас станет, как раньше!..»

Ничего подобного Вадим, разумеется, не предложил.

– Я думаю, небольшое путешествие тебе, в любом случае, не повредит, – резюмировал он и снова устремил взгляд на экран. – Поступай, как считаешь нужным, Маюш, но на твоём месте я бы согласился. Подышишь горным воздухом, окунёшься в море, заодно сделаешь человеку доброе дело.

Майя кивнула, опять отделалась неопределённым «посмотрю», попросила мужа не засиживаться допоздна, поцеловала его в седую колючую щеку и ушла в спальню. Примостилась

на край кровати, вытащила из сумки телефон и некоторое время крутила в руках, испытывая мутное недовольство самой собой за то, что тайком подсматривает за чужою жизнью вместо того, чтобы привести в порядок собственную. Потом запустила браузер и открыла давно знакомую страничку социальной сети.

С фотографии на Майю смотрела приятная молодая женщина с мальчишеской стрижкой и грустными серыми глазами. Фиби Тайлер, тридцать два года, бывшая сотрудница корпорации «Google», ныне работающая в вычислительном центре НАСА, незамужняя и бездетная. Верхняя запись в её блоге, украшенная неплохим акварельным изображением питерских разведённых мостов, гласила:

«On Sunday I'm flying to cold and scary Russia. Hope I will make it back home alive! :)»

«В воскресенье лечу в холодную и страшную Россию. Надеюсь вернуться живой!» – перевела Майя.

Глава 2. Кофе с коньяком

К утру дождь прекратился, но небо по-прежнему закрывали тучи, такие низкие, что казалось, они цепляются за дома и деревья и оставляют на них белёсые клочья. Начало октября, обычно баловавшее горожан теплом и солнечным светом, в этом году выглядело концом ноября. Листва совсем пожелтела, промозглый ветер безжалостно обдирал её с веток, и было легко поверить, что со дня на день ляжет снег. А в Абхазии ведь, и правда, всё ещё лето, подумала Майя, спускаясь с крыльца подъезда и аккуратно обходя ночные лужи; новые замшевые сапоги сегодня были предусмотрительно оставлены дома. Ей снова захотелось уехать – туда, к буйной субтропической зелени, вкусному воздуху, живописным горам и притягательному морю. Она понимала: там ей будет проще пережить следующую неделю – неделю, которую Вадим проведёт в Питере в обществе Фиби Тайлер. Смущало, однако, именно это «проще» – убегать от трудностей Майе претило.

О том, что Вадим влюбился, его жена догадалась уже давно. Сначала от подозрений она отмахивалась, напоминая себе, как перед Новым годом выдумала проблему на ровном месте. Но чувство, что умом и сердцем мужа завладела другая женщина, не уходило – наоборот, становилось крепче с каждым днём, и даже зимний всплеск недоверия выглядел теперь тем самым дымом, какого не бывает без огня. Окончательное прозрение наступило в конце весны, в отпуске, который вся семья провела на Сейшелах, и миг, когда это произошло, глубоко врезался в Майину память.

Придумал и организовал поездку Вадим – он то ли по сей день терзался угрызениями совести из-за испорченных, в его понимании, зимних каникул, то ли сам искал возможности возратить гармонию в свою семью. Всё прошло как по маслу: перелёты утомили Майю меньше, чем она опасалась, отель оказался лучше, чем на картинках, погода была безупречной, пляж – упоительно-безлюдным, а океан – таким дружелюбным и тёплым, что сутки напролёт хотелось проводить в воде.

День рождения Майи – ей стукнуло пятьдесят, но никакого желания праздновать юбилей на широкую ногу у неё не было – отметили обедом в чудесном ресторане на сваях. Под стеклянным полом покачивалась прозрачная лазурная вода; океанский бриз влетал в распахнутые окна, играл салфетками и путался в волосах; Вадим в застёгнутой на две пуговицы «гавайской» рубашке, прикрыв глаза от удовольствия, тянул коктейль; девчонки, которым нравилось тут абсолютно всё, смеялись над какой-то ерундой – Майя же любовалась всеми троими и думала о том, что жизнь, как ни крути, отличная штука.

А потом мужу позвонили.

Он vytянул телефон, мельком взглянул на экран, пробормотал: «Простите, друзья мои, работа!» – и, поднявшись, торопливо пошёл по мосткам к берегу. Вернулся минут через десять, и щёки у него так разругались, глаза так ярко сияли, а губы так старались не растянуться в улыбке, что даже очень чёрствый человек догадался бы: звонили не по работе.

Вечером того же дня Майя, которая не могла и не хотела больше себя обманывать, выяснила, кто его пассия. Сделать это оказалось до смешного просто, несмотря на то, что среди контактов мужа в социальных сетях женщины присутствовали во множестве. Вадим любил женщин, и они платили ему взаимностью. Всякой из них он умел сказать комплимент, изящный и лёгкий, как лепесток цветка – несколько добрых слов, от которых теплело в груди, но которые невозможно было истолковать как обещание чего-то большего. Фиби Тайлер была одной из многих, с кем Вадим общался в комментариях – но единственной, кому он совсем не говорил комплиментов, при том, что беседовали они подолгу и часто. А обострённое, трепетное внимание, с каким супруг относился к каждому слову этой девушки, напомнило Майе, как он прислушивался к ней самой в первые годы их брака.

В публичной переписке Вадима и Фиби между строк Майя прочла всё, что ей требовалось. Познакомившись осенью прошлого года в Аризонском университете и покорпев над общим проектом, эти двое сильно увлеклись друг другом, но любовниками пока не стали. Тоска людей, мечтающих быть вместе, но знающих, что это неосуществимо, и маета неуголённого желания в их репликах просматривались вполне отчётливо.

Окажись Вадимова пассия молоденькой искательницей приключений или, наоборот, скупающей дамой средних лет, решившей разбавить семейную рутину романом на расстоянии, Майя, наверное, спокойней бы приняла случившееся. Она бы знала тогда, что всё это – ненадолго, вопрос лишь в том, кто из двоих перегорит быстрее, Вадим или его подруга. Но Фиби, доступную информацию о которой Майя изучила вдоль и поперёк, была иной. Не слишком юная, не красавица, хотя и очень милая, умненькая, блестяще образованная и быстро делающая карьеру в космической отрасли, она была одинока и отчаянно нуждалась в любви. Именитый русский астрофизик, возможно, стал первым, в кого она влюбилась по-настоящему. Читая записи девушки, рассматривая бесчисленные фотографии, Майя то и дело замечала, как много общего у неё и Фиби, и горько думала: «Она такая же, как я. Почти такая же... на восемнадцать лет моложе».

Остаток поездки Майя, почти все силы которой уходили на то, чтобы «держать лицо» перед семейством, искала ответ на сакраментальный вопрос: что делать?

Как бы то ни было, Вадим оставался для неё самым близким человеком, она по-прежнему любила его и расходиться с ним немедленно не собиралась. Та страсть, которую она прежде к нему испытывала, конечно, давно утихла, но чувство, возникшее на месте страсти, было куда прочнее и глубже. К новым увлечениям Майя не стремилась, да, по правде сказать, вряд ли ещё была на них способна; она хотела тихо состариться рядом с тем, с кем столько времени жила душа в душу. И хотя мысль о разводе не вызывала у неё паники – девочки выросли, сама она крепко стояла на ногах и не боялась одиночества, – но рушить устоявшийся уклад только из-за того, что Вадим «запал» на другую женщину, казалось Майе нелепым и бессмысленным.

С одним она точно не стала бы мириться – с наличием у мужа любовницы. Вадим об этом, разумеется, знал; скорее всего, именно это мешало ему перейти черту, отделяющую платоническую связь от измены.

И Майя решила ждать. Просто ждать, не подавая виду, что обо всём догадалась. Молодость и пылкость, как у Фиби Тайлер, взять ей было неоткуда. Но всё прочее, в чём нуждался муж: и ум, и чуткость, и душевное тепло, и привлекательная внешность – оставалось при ней. «Вадим не из тех, кто способен годами вести двойную жизнь, – сказала себе Майя. – Рано или поздно ему придётся выбрать между мной и Фиби, и лучшее, что я могу сделать – не мешать ему в этом!»

С момента возвращения в Москву и по сей день она старательно следовала своему решению. Но чем дальше, тем мучительней было ждать, тем сложнее – изображать спокойствие, и тем чаще она сомневалась, что поступает правильно. Порою Майя ловила себя на том, что сама была бы не прочь поторопить развязку.

* * *

В прежние времена спасение от любых невзгод Майя находила в работе и теперь делала бы точно так же, если бы жизнь её сразу после Нового года не изменилась забавным и неожиданным образом.

Тогда, возвратившись из Абхазии, она была твёрдо намерена «расставить приоритеты» и большую часть своего времени отныне отдавать семье. Ей мнились не только семейные ужины, пролетающие как миг в разговорах обо всём на свете, но и совместные вылазки на выставки и в кино, совместные прогулки по выходным. Майя представляла, как займётся

тем, чем не занималась много лет – как станет печь пироги, гладить мужу рубашки, ходить по магазинам с девочками – и надеялась, что никогда больше ей не придётся корить себя за недостаток внимания к близким. О Фиби Тайлер она тогда ещё не знала.

Мечта о семейной идиллии, увы, не сбылась. Вадим, как и прежде, был поглощён своей наукой; он, кажется, даже не заметил, что его жена гораздо больше времени теперь проводила дома. Дочерей затянуло, увлекло, закружило водоворотом студенческой жизни; общаться с родителями им было совершенно недосуг. Единственный пункт плана, который Майе удалось осуществить – резко уменьшить количество работы.

Сразу после зимнего отпуска она объявила начальству, что не готова и дальше вкалывать без выходных по двенадцать часов в сутки – мол, возраст и силы у неё уже не те. Начальник, большой полицейский чин, по совместительству – бывший одноклассник, десять лет назад пригласивший её работать в НИЭЦ², в ответ лишь махнул рукой: «А я тебе давно говорю, Шустова, что ты себя не бережёшь. Сбавь обороты, ты нам нужна здоровая!» Пообещал, что отныне без крайней необходимости работать сверхурочно она не будет – он и сам не потребует, и другим требовать не позволит – и, как ни странно, сдержал слово. Правда, «крайняя необходимость» в их конторе возникала исключительно часто. И всё-таки нынешний график нельзя было даже сравнивать с тем, в каком Майя жила предыдущие годы.

Сложнее всего оказалось смириться с переменами двум Майиным балбесам-аспирантам, привыкшим, что шефиня делает за них чуть ли не половину работы. И самой Майе, первые недели просыпавшейся в холодном поту от страха что-нибудь «запороть». Но постепенно она привыкла: мир не рухнул, группа не развалилась, экспертизы проводились в срок, аспиранты совершали приемлемое количество ошибок. К середине марта всё утряслось. К тому времени Майя уже осознала, что мама-домохозяйка её семейству не требуется, но возвращаться к прежнему образу жизни не захотела – и душа, и тело зывали об отдыхе.

И вот тогда-то в Майиной жизни появилось то, чего не было со школьных времён, а именно – любимое хобби.

Майя стала учиться рисовать. Вернее, вспоминать забытое.

Художественный талант близняшкам достался от неё, и они, в отличие от матери, решили реализовать его в профессии. Сама же она, избрав другую стезю, кисти и краски совсем забросила. Прежде мучиться сожалениями было некогда. Но теперь Майя словно открывала себя заново. По вечерам, оставаясь одна в пустой квартире, она рассматривала развешанные повсюду работы дочек – и ловила себя на том, что к естественной материнской гордости примешивается раздражение. Она недоумевала и злилась на себя за это, а потом сообразила, что источник раздражения – обыкновенная зависть! Ей просто-напросто самой захотелось превращать в цвета и линии всё, о чём стучало её сердце. Майя стащила у девочек бумагу и цветные карандаши, попыталась сделать набросок – и обнаружила, что навыки рисования ею полностью утрачены. Из дальнего угла кладовки она извлекла свои старые рисунки и долго перебирала их, почти не веря в собственное авторство. После чего полезла в интернет – разыскивать художественные курсы для взрослых.

В Москве таковых нашлось два десятка. В названии «Школа акварели Яниса Краузе» Майе почудилось что-то знакомое, но уловить, что именно, она не смогла. Отгадку подсказали дочери. Выяснилось, что эта школа имеет прямое отношение к их учебному заведению и заведует ею один из их преподавателей. Внезапную Майину авантюру близняшки восприняли с энтузиазмом, посоветовав непременно попасть к самому Краузе: «Он очень крутой препод, ты увидишь!»

Долго раздумывать Майя не стала. Прозрачная нежность акварелей её пленяла; ей нравилось катать на языке похожее на лимонную карамельку название краски; то обстоятельство,

² Научно-исследовательский экспертный центр МВД (вымышленное учреждение).

что писать акварелью сложнее, чем акрилом или маслом, скорее возбуждало азарт, чем отталивало. А потому апрель у Майи начался с визита в школу, и вскоре уроки рисования, которые она брала у Яниса Краузе дважды в неделю, стали главной её отдушиной.

Очередное занятие ожидало Майю нынче вечером, а предвкушала она его уже сейчас, пробираясь к метро сквозь унылое октябрьское утро. Сначала, правда, следовало разобраться с работой. Ещё каких-то десять месяцев назад о неожиданной поездке не зашло бы и речи. Однако теперь – об этом Майя тоже думала с удовольствием! – она сумела всё устроить таким образом, чтобы с частью её функций, при необходимости, справлялись другие члены группы.

Убедившись, что недельное отсутствие не причинит ущерба общему делу, Майя написала заявление об отпуске. Идея поездки по-прежнему казалась ей сомнительной, но была пятница, и времени на улаживание формальностей почти не осталось. «В крайнем случае, в понедельник скажу, что изменились планы», – успокоила себя она, прежде чем отнести заявление начальнику.

Субботин – такой была фамилия начальника – возражать не стал. Наоборот, как будто обрадовался, узнав, что Майя намерена догулять оставшуюся неделю. Вычерчивая размашистую неразборчивую подпись, проговорил:

– Ты молодец, Шустова. Давай, отдыхай, следующий отпуск у тебя будет нескоро.

– Что ты имеешь в виду? – удивилась она – слишком уж многозначительно прозвучала его реплика.

Начальник усмехнулся:

– Вернёшься – поставим тебя руководить отделом.

– Собрался на повышение? – уточнила Майя; заведующим её отделом сейчас числился он.

– Пока нет. Это будет новое подразделение, специально для тебя. Что-нибудь вроде «отдела анализа достоверности свидетельских показаний»... название мы ещё не утвердили.

– Вот так сюрприз! – ошеломлённая Майя опустила на стул для посетителей.

– Не ожидала? – глаза одноклассника весело блеснули.

– Не ожидала, если честно.

– И напрасно. Я должен был посмотреть, получится ли у тебя организовать работу группы так, чтобы не тащить всё на себе. Руководители, которые пытаются быть в каждой дырке затычкой, обычно заканчивают на больничной койке. Поздравляю, ты справились. Поэтому возвращайся – и вперёд! Мы на тебя рассчитываем.

Субботин вручил Майе подписанный лист, и она пошла осмысливать новость – но до конца рабочего дня так и не поняла, рада ей или нет. В конце концов, решила, что размышлять о предстоящих переменах будет потом, когда вернётся из отпуска, если, конечно, он состоится – а пока забивать ими голову совершенно незачем.

* * *

На урок у Яниса Краузе Майя отправилась к семи часам вечера. Занимались они не в «Школе акварели», расположенной в небольшой пристройке к зданию академии, а в личной мастерской художника – на последнем этаже отреставрированной «сталинки», стоявшей на одной из набережных Москвы-реки. Собственно, в школе Майя была всего дважды: когда записывалась туда и когда присутствовала на первом групповом занятии. После того занятия Краузе предложил ей продолжить индивидуально, и она охотно согласилась. Он, конечно, мотивировал своё предложение тем, что заметил у неё «росток таланта», нуждающегося в развитии; Майя же полагала, что заметил он, прежде всего, её платёжеспособность.

Впрочем, истинные мотивы Краузе особенного значения не имели, поскольку он, действительно, оказался отменным преподавателем, а его мастерская – не только красивым,

но удивительно спокойным местом, где стоило бывать просто ради того, чтобы отдохнуть душой. Нравился Майе и сам Янис Адамович, импозантный мужчина её возраста, чей портрет отлично смотрелся бы на обложке книги с биографиями художников – настолько хрестоматийными были его седеющие волосы до плеч, внимательные золотисто-карие глаза, борода клинышком, бархатные пиджаки и дорогие шёлковые кашне. Майя и сама не заметила, каким образом то, что начиналось как смешной эксперимент, обросло ритуалами и привычками и превратилось в существенную часть её жизни.

Первый из ритуалов – приезжать сюда на метро, когда позволяла погода, и от станции до дома прогулочным шагом идти по набережной. Созерцание вечернего городского пейзажа помогало Майе отрешиться от дневных проблем и настроить себя на нужный лад. Сегодня ни дождя, ни ветра не было, поэтому прогулка состоялась – но обычного своего освобождающего действия она, увы, не произвела. Майя прошагала два квартала, почти не глядя по сторонам; её мыслями владели Вадим и предстоящая ему встреча с Фиби, а кроме того, необходимость принять, наконец, решение относительно поездки – Артёму следовало позвонить до конца дня. Опомнилась она лишь тогда, когда нажала кнопку звонка, и за дверью мастерской разлилась соловьиная трель.

Краузе, как обычно, встретил Майю теплейшей из своих улыбок.

– Добрый вечер. Не устаю удивляться вашей пунктуальности! – заметил он, принимая у неё плащ.

– Здравствуйте, Янис Адамович, – улыбнулась в ответ Майя. – Не люблю заставлять людей меня ждать.

– Неужели я так никогда и не услышу, как вы зовёте меня просто Янисом? – слегка театрально вздохнул он.

– Боюсь, что не услышите, – отозвалась она ему в тон и развела руками. – Не огорчайтесь – у вас прекрасное отчество.

Тоже своего рода традиция! Обходиться без отчества Краузе попросил Майю ещё весной, вероятно, рассчитывая, что и она позволит ему обращаться к ней по имени. Майя отказалась, сочтя панибратство совершенно излишним, и причин передумать у неё пока не появилось.

– Утешение, прямо скажем, не очень, – добродушно усмехнулся он. – Но ничего! Будет и на моей улице праздник! – и без перехода поинтересовался: – Кофе, Майя Михайловна?

– Разумеется. Могли бы и не спрашивать.

Мастерская представляла собой просторную комнату с двумя громадными окнами, из которых открывался шикарный вид на реку. Часть комнаты, отгороженную от основного помещения раскладной деревянной ширмой, отвели под уголок для отдыха. Ширма, сверху донизу украшенная рисунками в японском стиле, выглядела старинной. За нею прятался небольшой винтоногий диван, обтянутый гобеленом ручной работы, и овальный столик из чёрного дерева, инкрустированный серебром и перламутром. И если насчёт ширмы Майя ещё сомневалась, то диван и столик, однозначно, были антикварными и стоили сумасшедших денег. Это лучше всяких слов характеризовало хозяина мастерской – он не только был состоятелен и знал толк в изысканных вещах, но не боялся использовать их по назначению. Кроме дивана и столика, здесь разместились этажерка каслинского литья, а на ней, диссонируя с остальными предметами интерьера – современная кофе-машина.

Майя устроилась на диване, а Краузе взялся за приготовление кофе. Из-за ширмы появилась кошка, осмотрелась, повела аккуратными ушками и, как обычно, нахально запрыгнула к Майе на колени.

– Привет, мохнатая, – поздоровалась Майя и почесала кошкин подбородок.

Кошку звали Офелия; она была беспородная, но очень красивая – четырёхцветная, феноменально пушистая, с изумрудно-зелёными глазами. Котёнком её подбросили под дверь мастерской. «Прогонять пожалел, – объяснил однажды Янис Адамович, – а забирать домой –

какой смысл, если тут я провожу гораздо больше времени, чем там?» Семьи у него не было. На горизонте маячил взрослый сын, родившийся в недолгом раннем браке, но Краузе с ним общался мало и редко.

Здесь, в этом уголке, Майя провела немало хороших минут. По ту сторону ширмы, за мольбертом, она трудилась. Пусть и увлекательный, и приятный, и остро отличающийся от всего того, чем приходилось заниматься на работе и дома, но всё-таки это был труд! Процесс её утомлял, а результат удовлетворял гораздо реже, чем ей хотелось бы. А вот пить кофе в компании Краузе было отдыхом в чистом виде. Майе даже необязательно было поддерживать беседу – говорил, по большей части, Янис Адамович. Темой для разговоров обычно становилось изобразительное искусство, к которому он – не только художник и преподаватель, но и владелец маленькой картинной галереи – умел подходить с разных сторон. Экскурсы в историю у него получались такими же мастерскими, как рассуждения о современных тенденциях. Помимо всего прочего, Майя теперь всегда была в курсе, какие художественные выставки проходят в Москве и какие из них, по его мнению, стоит посетить – и порою следовала его советам.

Об академии почти не говорили. О том, что сёстры Смирновы – её дочери, Майя сказала Краузе при знакомстве: это они, мол, и посоветовали обратиться к нему. Он нахмурился, припоминая, потом кивнул: «Знаю-знаю, хорошие девочки, способные. Немного нетерпеливые, но в их возрасте это поправимо!» – и больше ни Майя, ни он о близняшках речи не заводили. Майе казалось не вполне этичным выпрашивать его об их успехах, а Краузе, похоже, и вовсе забыл, что она – мать двух его студентов.

Запахло кофе. Янис Адамович достал початую бутылку коньяка, цена которого, Майя знала, вполне соответствует цене дивана и столика. Три чайных ложки в Майину чашку – это тоже было ритуалом. Крепких напитков она не любила и пить чистый коньяк, предложенный ей в один из первых визитов, отказалась наотрез. «Хотя бы попробуйте, Майя Михайловна! Коллекционный, двадцатилетней выдержки!..» – уговаривал Янис Адамович. «Ладно, с кофе – попробую!», – не желая его обижать, сдалась, наконец, Майя. Он округлил глаза: «Портить такой напиток – это кощунство!» – но спорить не стал, сделал, как она попросила. Получилось неплохо, и с тех пор, под неизменное ворчание Краузе, кофе с коньяком Майя пила здесь всегда; хозяин пил то же самое, но поотдельности.

Вслед за бутылкой на столе должны были появиться две изящных позолоченных чашки из мейсенского фарфора. Но в этот раз традиция оказалась нарушена. Вместо чашек Майя увидела белые керамические кружки, расписанные ярко-синим растительным орнаментом. Она удивлённо приподняла брови.

– Тех чашек больше нет, – заметив её движение, беззаботно объяснил Краузе. – Моя дурында, – он кивнул на задремавшую на Майиных коленях Офелию, – ухитрилась разбить обе сразу. А эти мне ученик подарил – поглядите, какая тонкая работа!

Его слова неожиданно её покоробили, словно таилось в них какое-то лукавство. Но вывести Краузе на чистую воду Майе было незачем. Она взяла одну из кружек и поднесла к глазам. Роспись, и в самом деле, была изумительной – на первый взгляд, очень простая, она завораживала своей ритмичностью и заставляла всматриваться в детали.

– У вас талантливые ученики, Янис Адамович, – возвращая кружку на стол, сказала Майя.

– Невероятно талантливые, – с удовольствием согласился он.

Работ его учеников в мастерской было много. Помимо акварелей, в том числе незавершённых, – заниматься сюда приходила, конечно, не только Майя – тут были подаренные ему скульптуры и куклы, батики и мозаики, аппликации и другие штуки, названия которых она ещё не выучила. Все эти вещи казались Майе живыми; она легко различала в них то, что Янис Адамович называл «ростком таланта».

К немалому огорчению Майи, едва ли не единственным, на чём не хотелось задерживать взгляд, были здесь картины самого Краузе, скучные и плоские, как дешёвые открытки, хотя и очень техничные. Если что ему и удавалось, так только автопортреты. Майя помнила, как сильно была разочарована, когда осматривала мастерскую, придя сюда впервые, и как мучительно придумывала слова похвалы, чтобы не слишком сильно сфальшивить. Но Краузе, разумеется, услышал фальшь и больше к своим работам её внимания не привлекал. Он не обиделся, из чего она заключила, что никаких иллюзий на свой счёт у него нет. И с тех пор прониклась к нему состраданием: до чего же больно и горько, наверное, быть «сапожником без сапог», осознавая собственную бездарность, человеку, столь тонко понимающему искусство, как он!

Округло и плавно двигаясь, Янис Адамович разлил по кружкам кофе, сказал:

– Прошу! – и разместился на противоположном краю дивана.

Расстояние Майю вполне устраивало.

Чего греха таить, мужчиной он был привлекательным. Разве что ростом низковат – на полголовы ниже самой Майи. Всё остальное было в полном порядке: неброское, мягкое обаяние, хорошо поставленный голос, правильные черты лица, подтянутое крепкое тело, а главное, редкая для сильного пола ухоженность. Рядом с ним показался бы неряхой даже Вадим, вообще-то очень склонный заботиться о внешности. О своих достоинствах Краузе прекрасно знал – и не стеснялся пускать их в дело. Привычку очаровывать и обольщать Майя различила в нём с первого взгляда.

Поначалу Янис Адамович пытался играть в эту игру и с ней. Он подходил всё ближе, всё интимней становились его интонации, всё чаще – якобы случайные прикосновения. Майя игру не поддерживала – связываться с ним она не собиралась. Она не стала бы этого делать, даже если бы её браку уже пришёл конец. Короткие интрижки не были ей свойственны, а ничего другого от Краузе ждать не приходилось. Она прекрасно понимала, что женщины для него примерно то же самое, что коллекционный коньяк и старинные чашки – ни к чему не обязывающий источник эстетического и плотского удовольствия.

Да, Майя не поддерживала игру, но этого оказалось недостаточно – отсутствие явного протеста хозяин мастерской принимал за поощрение. И вскоре ей пришлось поговорить с ним начистоту. В тот раз он оказался совсем уж близко – объясняя, что, по его мнению, следовало бы изменить в её работе, он почти вплотную встал позади неё, положил ладонь ей на запястье и замер в этой нескромной позе.

– Не стоит, Янис Адамович! – мягко произнесла Майя, высвобождаясь и поворачиваясь к нему лицом.

– Почему, Майя Михайловна? – удивился он – или сделал вид, что удивился. – Вам противно?

Ладонь у него была холёная, уверенная и тёплая.

– Дело не в том, противно мне или нет, – не стала врать Майя. – Просто это лишнее.

– Почему? Из-за вашего мужа? – Краузе снова взял её за руку и принялся покручивать обручальное кольцо. – Ну конечно. Вы порядочная женщина и не станете его обманывать.

Майя руку отняла и спрятала за спину.

– Не стану, вы правы. Но это не единственная причина.

– А какая ещё? Я вам не нравлюсь?

– Не настолько, чтобы пополнять собой вашу коллекцию, – ответила она напрямик.

Он понял. И слишком близко больше не подходил, наоборот, старательно держал дистанцию, хотя и пользовался любым предлогом, чтобы рассказывать ей, какая она потрясающая женщина. Кроме того, всегда подмечал нюансы её настроения, обращал внимание на облик и не стеснялся говорить вслух о том, что видит. Майя знала, что наблюдательность и сладкоречивость – непременные качества художника и соблазнителя, соответственно. Но слушать Краузе ей было приятно, а истинные его мотивы и в этом случае не имели значения.

Сегодня хозяин мастерской был неразговорчив. Потягивая кофе, он думал о чём-то своём – такое с ним иногда случалось. Майя ни разу не видела его расстроенным, раздражённым или подавленным, но в такие моменты, как сейчас, чувствовала, что его уравновешенность – результат блестящего владения собой. На самом деле, человек он эмоциональный и даже страстный. Любопытно, думала она иногда, коль скоро его темперамент не находит выхода в картинах, то в чём же тогда – находит? Краузе об этом помалкивал, а Майя сама не спрашивала.

На подоконнике бормотал архаичного вида радиоприёмник в деревянном полированном корпусе – тоже, наверное, антикварный. Как правило, в приёмнике «для фона» звучала классическая музыка, но сейчас передавали новости, и Майя невольно прислушалась. Новости шли столичные: изменение в расписании электричек, идущих с Киевского вокзала; открытие новой эстакады в Южном округе; подготовка к фестивалю «Окси-Бум» – тому самому, вспомнила Майя, куда собирались девчонки; последние дни работы выставки западноевропейского искусства шестнадцатого века...

– Утомили! – проворчал Янис Адамович, привстал и выключил радио.

– Хотите посидеть в тишине? – спросила Майя; опять что-то было не так, как обычно, но уловить, что именно, она не сумела.

– Мешают сосредоточиться, – он снова откинулся на спинку дивана, бросил на Майю неожиданно острый взгляд и вдруг признался: – Хочу задать вам личный вопрос, но не уверен, что позволите.

– Задавайте, Янис Адамович, – вздохнула она.

– Майя Михайловна, что вас мучает? – тотчас спросил он. – Такой озабоченной я вижу вас впервые. Я даже опасаясь, что нам придётся отменить урок.

Она, конечно, не раскрыла бы ему главного: «Меня мучает, что мой муж через пару дней встретится с девушкой, в которую влюблён, и на этом наша с ним семейная жизнь может закончиться». Но отвергать предложение излить душу не хотелось, и Майя решила обойтись полуправдой.

– «Мучает» – слишком сильное слово, – помолчав, ответила она. – Мне просто нужно принять решение. Пустяковое, если честно. Человек ждёт моего звонка, я обещала, что позвоню сегодня, но как с ним говорить – до сих пор не знаю.

– Это связано с вашей работой? – уточнил Краузе.

– Представьте себе, не с работой, а с отдыхом. Мне предложили на недельку съездить на море. Я сомневаюсь, стоит ли...

– На море? Но это же прекрасно! Я бы и сам сейчас куда-нибудь, если бы мог... – Янис Адамович выразительно покосился за окно. – И что же вам мешает согласиться?

– Видите ли, у меня... проблемы. И если сейчас я уеду, это будет бегством и слабостью.

– А слабой вы быть не любите, я понимаю, – покачал головой он. – Ваши проблемы решатся, если вы останетесь в Москве?

– Не думаю. Вряд ли.

– Тогда не вижу повода для сомнений. Вы последний человек, которого я бы мог упрекнуть в малодушии. Отнеситесь к поездке не как к бегству, а как к возможности отодвинуться от ситуации, взглянуть на неё со стороны, – Краузе всмотрелся в Майино лицо и добавил, видя, что она по-прежнему колеблется: – Не забудьте взять с собой бумагу и краски. Путешествие – безотказный способ пробудить вдохновение. Уверен, вы привезёте в Москву работы, которыми мы с вами вместе будем гордиться.

Слово «вдохновение» шелестело предвкушением чуда, а «мы с вами вместе будем гордиться» звучало как обещание. Щедрый на комплименты Майиным красоте, уму и душевным качествам, её работы Янис Адамович хвалил очень редко, любое его одобрение было на вес золота. Он знал, что делает, когда авансом посулил похвалу – свою ученицу он изучил гораздо

лучше, чем ей самой казалось. Но обо всём об этом Майя задумалась лишь много дней спустя, когда поняла: именно разговор с Краузе стал точкой отсчёта, определивший ход дальнейших событий. А в тот вечер она только переспросила, запустив пальцы в пушистый кошачий мех:

- То есть, по-вашему, мне стоит поехать?
- Определённо, стоит, Майя Михайловна!
- Мырр! – встрепенувшись, подтвердила Офелия.
- Видите, даже она со мной согласна! – засмеялся Краузе.

И Майя, не откладывая, чтобы не передумать, позвонила Артёму. Облегчение, зазвеневшее в его голосе, когда он воскликнул: «Полетите со мной? Правда?! Это же просто супер!» – убедило Майю, что она поступает правильно.

Глава 3. Бархатный сезон

Вечером в воскресенье Вадим уехал в Питер. Провожая мужа, Майя гнала от себя – но никак не могла прогнать! – ощущение, что прощается с ним навсегда. Человек, который возвратится домой шесть дней спустя, уже не будет её мужем.

В то, что между ним и Фиби не произойдёт на конгрессе ничего судьбоносного, Майя не верила. «Я догадаюсь, если он мне изменит, – думала она, помогая Вадиму собирать вещи. Он не был беспомощным в быту, как порою свойственно учёным, но всё же страдал рассеянностью, обострившейся в последние месяцы, и не отказывался от помощи. – Хотя, возможно, от физической измены он удержится. Возможно, он скажет с порога: прости, Маюш, я полюбил другую женщину, и ухожу к ней! Пусть лучше так, это было бы честнее. Но хватит ли ему мужества на такой поступок? И хватит ли сил избежать соблазна?...» Мысли бродили по кругу. В то, что Вадим способен сделать выбор в её пользу, Майя не верила тоже.

В прихожей она окинула взглядом его рослую фигуру в тёмно-синем кашемировом пальто и наглаженных чёрных брюках, почти такую же статную, как в молодости, и задержалась на лице, словно запоминала. Лицом Вадим, конечно, постарел – морщины бороздили высокий лоб, сбегали от крыльев «античного» носа к массивному подбородку, губы стали бледнее и тоньше, серые глаза потускнели, а брови тронула седина, – но всё ещё был очень хорош собой.

Для Майи, впрочем, внешность мужа никогда не была на первом месте по важности. Двадцать лет назад она влюбилась в его ум; у неё дух захватывало от точности и глубины его суждений. До встречи с Вадимом она и не знала, как здорово – чувствовать, что мужчина тебя умней! И уж это-то его качество, разумеется, никуда не делось, наоборот, с годами раскрылось полнее и ярче. Жаль только, что наслаждаться им в последнее время Майе удавалось всё реже – теперь у Вадима была другая любимая собеседница.

Прощальный поцелуй получился для Майи исполненным тоски, и горечи, и какой-то детской обиды – то ли на мужа, то ли на его американскую пассию, то ли просто на судьбу. Вадим, который мысленно, очевидно, был уже в Питере, Майиною состояния не заметил – или замечать не захотел. До боли знакомым жестом поправил очки, надел шляпу, взял зонтик и саквояж – в коротких поездках чемоданов на колёсиках он не признавал – и шагнул на лестничную клетку.

– Хорошо тебе отдохнуть, Маюш!

– И тебе удачно съездить, солнце моё.

– Поцелуй за меня девчонок, – попросил он, улыбнувшись; близняшек, как всегда, не было дома.

– Непременно, – пообещала Майя и затворила за мужем дверь.

Полчаса она потратила на то, чтобы прийти в равновесие, а затем стала собираться сама – вылетать предстояло рано утром.

За окнами стояла глухая темень, по карнизу стучал холодный октябрьский дождь. В такую погоду особенно приятно было вытащить из шкафа купальники и лёгкие платья и пёстрым веером разложить их на постели, выбирая. «Но я ведь еду не только отдыхать, – напомнила себе Майя. – Я еду ради того, чтобы помочь Артёму. И времени в моём распоряжении не так уж много!» В чём, собственно, будет заключаться помощь, Майя до сих пор не задумывалась, ей было не до того – и теперь, перебирая летние вещи, навёрстывала упущенное.

Итак, в «Сердце гор» происходят странные события – скорее нелепые, чем страшные, – которые, тем не менее, пугают постояльцев и угрожают репутации гостевого дома. Сверхъестественных причин у этих событий, ясное дело, быть не может – шалит кто-то из персонала, либо по собственному почину, желая напакостить Артёму, либо по заказу третьей стороны. Значит, вычислить нужно, во-первых, шалуна, а во-вторых, заказчика, если, конечно, тот суще-

ствуется. «Первый пункт, – рассудила Майя, – я возьму на себя. Понаблюдаю, поболтаю с людьми, и через пару дней отгадка будет у меня в кармане. Но со вторым мне и самой понадобится помощь!» Артём клялся и божился, что неполадок со связью в «Сердце гор» больше не будет, так что в деле поиска информации она рассчитывала на своих коллег.

Оставался ещё третий пункт: разобраться, кто автор «литературного творчества» на туристическом сайте. Первым, конечно, в голову приходил Вахтанг. Авантюрист со склонностью к мелкому хулиганству, самолюбивый и вспыльчивый, он вполне мог сочинить нечто подобное с намерением выпустить пар. Смущало одно: отзывы появились только в середине августа. Почему Вахтанг, если это был он, так долго ждал? Разумнее было бы выложить их зимой или весной, перед началом сезона. А кроме того, Вахтанг не из тех, кто будет многие месяцы вынашивать планы мести – остывает он почти так же быстро, как вспыхивает. Если же к отзывам приложили руку конкуренты, то почему тогда ограничились всего двумя писульками на малоизвестном сайте? Для спланированной информационной кампании против «Сердца гор» этого явно недостаточно.

Что же, последним пунктом можно заняться прямо сейчас. Майя позвонила Артёму и попросила прислать ей адрес страницы с отзывами.

– Момент, сейчас всё будет, – с готовностью отозвался он.

– И вот ещё что, – поразмыслив, продолжила Майя. – Узнайте, пожалуйста, у вашего дяди имена людей, которые хотели перекупить у него дом.

– Но как я узнаю? – озадаченно спросил управляющий. – С тех пор прошло очень много времени. А я пока не хочу...

– Я помню: вы пока не хотите вводить вашего дядю в курс дела. Но этого и не нужно. Скажите, к вам опять обратился потенциальный покупатель. Назовите любое распространённое имя. Пусть будет... я не знаю... какой-нибудь Сергей Кузнецов. Спросите, не он ли интересовался домом раньше. Дядя ответит: нет, со мной связывались другие люди – и, возможно, сразу скажет, кто именно. Если номер не пройдёт, я попробую выяснить по своим каналам, но через вас будет быстрее и проще.

– Попытаюсь, Майя Михайловна, – согласился Артём.

В сущности, задача перед Майей была та же самая, что зимой: провести «расследование без расследования», то есть разузнать всё таким образом, чтобы никто не догадался, что она не просто так глаза по сторонам и задаёт вопросы. Геройствовать, ловя злоумышленника за руку, она не собиралась – собиралась передать добытые сведения Артёму, а тот пускай поступает с ними, как сочтёт нужным.

Получив ссылку, Майя сделала ещё один звонок – приветливому и безотказному мальчику Гоше из отдела информационной безопасности. Гоша задачу понял: установить если не авторов, то хотя бы места, откуда были отправлены отзывы – и обещал сообщить о результатах завтра к вечеру. После этого Майя закончила сборы, дождалась девочек, пожелала им хорошо провести время в отсутствие родителей – тормошить бедняжек в пять утра ей было заранее жалко, – выпила таблетку снотворного и улеглась спать.

* * *

Должно быть, Майя устала и переволновалась сильнее, чем думала, потому что будильник на телефоне на нужное время перевести забыла – и разбудил её, в итоге, сигнал входящего вызова.

– Доброе утро, Майя Михайловна! – донёсся из трубки бодрый голос Артёма. – Я у вашего подъезда. Давайте, поднимусь и заберу багаж.

Майя охнула, осознавая, что проспала, пробормотала: «Да какой уж там багаж!» – потом вдруг устыдилась того, что Артёму придётся ждать её в машине, и попросила подняться минут

через пять. За это время лихорадочно умылась, почистила зубы и натянула одежду, но глаза так и не открылись, и голова оставалась тяжёлой и сонной.

Окончательно Майя пришла в себя только в аэропорту, оттого, что в руки ей вложили крышку от термоса, наполненную дымящимся чёрным кофе – и с удивлением поняла, что почти не помнит, как сюда попала.

– Вот сейчас вы, наконец, проснулись! – поймав её взгляд, разулыбался сидящий напротив Артём. – Я взял кофе, чтобы угостить вас в такси, но вы уснули раньше, чем мы двинулись с места.

– Большое спасибо! – Майя пригубила напиток. Слегка подслащенный – как раз такой, какой она любила. – Регистрация уже идёт?

– Началась две минуты назад. Попейте, и пойдём.

Артём оказался замечательно удобным спутником. С тех пор, как он возник в дверях её квартиры, беспокоиться стало совершенно не о чем. Плащ на плечах у Майи появился будто сам собой, и сами собой переместились сначала в лифт, а потом в багажник её вещи. Ей, кажется, даже не пришлось возиться, пристёгивая ремень – неудивительно, что в машине она сразу уснула. Отчего бы и не уснуть, когда чувствуешь, что до пункта назначения тебя доставят в целости и сохранности, как закутанную в сто слоёв папиросной бумаги хрустальную вазу?

Галантность Артёма забавно контрастировала с привычной для Майи галантностью её мужа. Красивые жесты Вадима нельзя было не заметить – в них всегда была капелька рисовки: смотрите, мол, какая рядом со мной роскошная женщина и как здорово я умею за ней ухаживать! В действиях же Артёма ни малейшей рисовки не было; он просто вёл себя так, как считал правильным – обеспечивал Майе комфорт в путешествии. «Нормально ДЕЛАЙ – нормально БУДЕТ!» – вспомнила она надпись на толстовке, надетой на нём в четверг. И подумала, что эти слова прекрасно подошли бы ему в качестве девиза.

Идя вслед за Артёмом к стойке регистрации, Майя всё пыталась сообразить, на что похожа его способность быть незаметным и полезным одновременно – и, наконец, поняла: на выучку первоклассного официанта! Ей вдруг пришло в голову, что именно официантом парень и подрабатывал в студенчестве – но говорить об этом вслух Майя, конечно, не стала.

Посадка прошла так же безоблачно, как всё остальное. Места достались самые подходящие – у запасного выхода, где оба путешественника сумели удобно разместить ноги. После того как самолёт набрал высоту, Артём поинтересовался:

– Будете дальше спать, Майя Михайловна?

– Не буду, – она подавила зевок. – Хватит уже, наспалась.

– Ну, тогда я расскажу вам новости, – обрадовался он.

– Рассказывайте. Вы поговорили с дядей?

– Поговорил.

– Как я понимаю, успешно?

– Более или менее, – качнул головой Артём. – Имя того... несостоявшегося покупателя дядя мне, действительно, назвал. Как выяснилось, покупатель был всего один. Но очень настойчивый.

– И кто же он?

– Некто Юрий Федюхин.

Фамилия показалась Майе знакомой, и, определённо, как-то связанной с Кавказом. Она пошевелила пальцами в воздухе в попытке поймать воспоминание, но оно помаячило и ускользнуло.

– Я тоже, кажется, про него что-то слышал, – заметив её движение, кивнул Артём. – Пытался погуглить, но без толку... Вернее, как – нашёл музыканта, спортсмена и двух врачей. Кому из них, по-вашему, мог понадобиться дом в Абхазии?

– Кому угодно, – отмахнулась Майя. – А дядя, выходит, кроме имени, ничего не сказал?

– Ничего полезного. Был ужасно раздражён – похоже, тот покупатель в прошлом году его достал! Сказал только, что в ближайшие десять лет продавать этот дом не собирается ни за какие деньги, и чтобы я больше не приставал к нему «с глупостями».

– Ясно, – вздохнула Майя сочувственно. – Ладно, Артём, спасибо. Попрошу, чтобы для меня навели справки, какой такой Юрий Федюхин положил глаз на «Сердце гор» и почему. А пока, давайте-ка, вы мне расскажете поподробней обо всех, кто сейчас у вас работает.

– Обо всех до единого? – уточнил Артём.

– Ну да. Начните с тех, кого я уже знаю. Как, например, дела у Натэллы? Сильно она грустит, что любимый племянник больше не приезжает к ней в гости?

– Да нет... По-моему, уже не грустит, – он задумчиво потёр подбородок. – Весной грустила, даже у меня спрашивала, не знаю ли я, почему Вахтанг перестал приезжать.

– А вы что?

– А что я? Отвечал, понятия не имею – как мы с вами и договаривались. Летом у неё и без него был забот полон рот, а осенью – пока не вспоминала.

– Вы с ней ладите? – на всякий случай, уточнила Майя.

– Конечно. Она хорошая тётка, с ней трудно не поладить, – хмыкнул Артём.

– А Нури? С ним у вас тоже всё в порядке? Вы не ссоритесь?

– Вроде всё в порядке. Может, и ссорились бы, если бы у него было больше свободного времени. А так, он занят, я занят – выяснять отношения некогда, – тон у парня был беспечный, но движение желваков свидетельствовало, что обходиться совсем без стычек с Нури ему всё же не удаётся.

«Приедем – посмотрю сама!» – решила Майя и перевела тему:

– Что с Тамарой? Она всё такая же тихоня?

– Не поверите, стала ещё тише. С тех пор, как я уволил Олесю, буквально ходит по стеночке. Очень старательная, иначе, честное слово, я бы уволил и её – надоело, что она всего боится.

– Да, кстати. А как там Олеся? Она ведь ушла от вас обиженной, не так ли?

Артём поморщился:

– Про Олесю я ничего не знаю. Она была не местная и почти сразу отбыла на родину.

– Угу, – Майя легонько побарабанила пальцами по подлокотнику, укладывая в голове полученную информацию. – Поехали дальше, Артём. Теперь давайте про новеньких.

– Новеньких у нас трое...

– Я помню: вторая горничная и ваши с Нури помощники.

– Нури своего помощника привёл сам – это его родственник. Дальний родственник – четвероюродный племянник, что ли. Зовут Муратом. Он очень... неразговорчивый, но очень исполнительный. К Нури относится с большим почтением, а тому только того и надо. Горничная – Мадина, невеста Мурата. Они к нам, собственно, вместе и пришли.

– И как вам Мадина? – Майе представилась вдруг энергичная девица, жених которой смотрит ей в рот – явно ведущая в паре.

– На редкость практичная и целеустремлённая особа. – немедленно подтвердил догадку Артём. – Из тех, вы знаете, кто способен вырасти от младшего курьера до директора компании. Мадина отлично работает. Но вряд ли она у нас надолго задержится.

– Остался ваш помощник...

– Павлик. Он тоже к нам попал не по объявлению. Сын маминой подруги. Мама очень просила помочь тёте Люде и куда-нибудь его пристроить. Два года назад он получил диплом и никак не мог найти работу. Учился, кстати, там же, где и я – в Сочинском университете – но на восемь лет позже. Ну вот... а я как раз, когда мама попросила, начал задумываться о помощнике. Потому и согласился взять Павлика.

– Понятно. И что же Павлик? Оправдал ожидания?

– Да не было у меня ожиданий, – пожал плечами Артём. – Тёти-Людин «сыночка» всегда был рохлей. В целом, ничего – звёзд с неба не хватает, но справляется.

Он умолк, Майя молчала тоже – не столько обдумывала сказанное, сколько рассматривала своего собеседника. Собеседник нервничал – хоть и поменьше, чем в четверг, но всё ещё очень заметно. И собеседник темнил – не то чтобы врал напропалую, но явно старался скрыть нечто важное. «Он знает, что я это замечу. Знает – и всё равно недоговаривает. Значит, вытягивать его на откровенность бессмысленно – он просто-напросто откажется отвечать!» – подумала Майя. Но попытаться всё же решила.

– Артём, – проговорила она настолько тихо, насколько позволял монотонный гул двигателей. – Скажите честно, у кого из персонала есть на вас зуб? Знаете, как бывает – мелкие обиды накапливаются незаметно, пока однажды не...

– Надеюсь, ни у кого! – посмотрев ей в глаза, неожиданно резко перебил управляющий. – Новогоднего... инцидента мне хватило. Со всеми разногласиями я стараюсь разбираться сразу.

– Хорошо-хорошо, насчёт «зуба» я не настаиваю. Но тогда, может быть, наоборот? Имею в виду, может быть, вы сами... неравнодушны к кому-то из своих подчинённых?

Поверить в то, что Артём увлёкся овечкой Тамарой или «практичной и целеустремлённой» чужой невестой Мадией, Майе было сложно – однако ей очень хотелось увидеть его реакцию.

– Я не смешиваю работу с личной жизнью, – ещё более резко сказал он, и румянец на его щеках разгорелся ярче. – Послушайте! Я просто честно делаю своё дело и жду от людей того же самого. Тех, кто работает хорошо, я поощряю. Кто меня обманывает или не справляется – наказываю. Любовь и ненависть в этой схеме совершенно лишние.

– Не сердитесь, Артём, – Майя мягко коснулась его плеча. – Вы прекрасный администратор, я в этом уверена. Но сейчас вы морочите мне голову, и я никак не могу понять, почему отсюда все эти неприятные вопросы.

Повисла пауза, а потом он сказал, глядя в сторону – и голос его звучал уже не резко, а как-то жалобно:

– Простите, Майя Михайловна. Я не морочу вам голову. Просто пока не хочу делиться своими догадками. Лучше, если ваше первое впечатление будет непредвзятым. Пожалуйста, не надо меня пытаться!

– И охота вам играть в таинственность, – вздохнула она, удостоверившись, что по доброй воле он со своим секретом не расстанется. – Хотите молчать – молчите, что я могу поделаться? Но потом...

– Потом вы, конечно, всё узнаете, – поспешно посулил Артём, и после этого о проблеме, которая свела их вместе, они в пути не говорили.

* * *

Почти до конца перелёта Артём оставался таким растерянным и хмурым, что Майя даже пожалела о своей попытке залезть ему под кожу: «Подумаешь, чего-то недоговаривает! Я бы сама обо всём догадалась. Не я ли, в конце концов, профи в том, чтобы понимать невысказанное?» Она склонялась к мысли, что Артём, действительно, влюблён. Неизвестно только, в кого именно – и есть ли какая-то связь между его влюблённостью и «полтергейстом» в гостевом доме. Может, и нет её, этой связи – а дело всего лишь в том, что реплика Майи о слабости к кому-то из подчинённых угодила принципиальному Артёму в больное место.

Впрочем, во время посадки хорошее настроение к Майиному спутнику вернулось. Из самолёта он выходил с улыбкой до ушей и глазел по сторонам с таким видом, что сразу было ясно: соскучился.

– Сколько же вас не было дома, Артём? – шагая с ним рядом, полюбопытствовала Майя.

– Всего-то десять дней, – отозвался он и добавил, словно прочитал её мысли: – А соскучился, будто полгода болтался неизвестно где. И как вы только в ней живёте, в своей Москве?

– Нормально живём, – пожала плечами Майя. – Мне нравится.

– Она такая огромная. Машины и люди – все куда-то несутся. Я там себя чувствовал... – Артём поморщился, подбирая метафору, – я там себя чувствовал щепкой в горной реке. Исчезнешь – никто и не вспомнит. Но это ещё куда ни шло, к этому можно привыкнуть. А что у вас вообще не пригодно для жизни – так это климат.

Майя вздохнула:

– К нему-то мы как раз привыкли, куда деваться? – и, вспомнив о климате, вдруг спохватилась: – А где мой плащ? В самолёте забыли, что ли?

– Не волнуйтесь, тут он, – Артём приподнял руку, через которую была перекинута и его, и Майина верхняя одежда, – Но до воскресенья он вам не пригодится. Разве это не здорово, Майя Михайловна?

– Здорово, кто бы спорил, – снова вздохнула она.

Путешественники вышли из здания аэропорта, и в лицо им плеснул тёплый ветер, в котором Майе почудились запахи моря и гор. Солнце сияло и согревало, но не жарило, а небо было по-летнему высоким и светлым. Артём вскинул голову и расправил плечи:

– Как же тут кайфово!

В нём появилось вдруг столько свободы и лёгкости, что Майя невольно залюбовалась. В каждом его движении просматривалась ликующее «я дома!»

– Мы возьмём такси? – спросила она через минуту, видя, что их никто не встречает.

– Нет. Нас должен забрать отсюда мой помощник, – озираясь, произнёс Артём.

Но Павлик в поле зрения отсутствовал, Артёму пришлось ему звонить, и тон управляющего, когда он дозвонился, был, прямо скажем, не из любезных.

– Говорит, что будет минут через двадцать. Хотите пока перекусить?

– Не хочу, спасибо. Доберёмся до места – тогда и поем.

– Дело ваше, Майя Михайловна. Натэлла вас уже заждалась. С обедом, я думаю, она превзойдёт саму себя.

– А я-то как заждалась её обеда!

Майе стало тепло от воспоминаний. То ли поварихе рассказали правду о новогоднем происшествии и о причастности одной из московских гостей к его счастливому исходу, то ли Вадим и Майя просто ей понравились – но зимой она их потчевала, как родных.

– Всё-таки жаль, что вы не приехали в августе! – вдруг заявил Артём. – У нас была тогда настоящая сказка.

– Простите, – развела руками Майя. – Я побывала на море в мае, там, куда захотелось моему мужу. Потом уже не сумела вырваться с работы. Но ничего, сейчас я наверстаю упущенное.

– Да уж я постараюсь, чтобы наверстали. Кстати, имейте в виду: у нас никто не знает, зачем я вытянул вас из Москвы. Я всем сказал, что вы едете отдохнуть и развеяться.

– Так я и думала, – кивнул Майя.

Приготовившись ждать, она достала телефон – и увидела сообщение от Вадима: «Прибыл и устроился. Целую». Набрала его номер, но ответа не получила – конгресс, вероятно, уже начался. Позвонила девочкам, сначала одной, потом другой, те тоже не откликнулись – судя по времени, были на лекциях. Пришлось и самой ограничиться сообщениями, что долетела благополучно, а в Адлере – ура! – до сих пор настоящее лето.

Потом Майя написала своей коллеге Чулпан, с которой частенько обменивалась услугами – поручила ей поиски Юрия Федюхина, чей возраст и доход позволяли покупку большого дома, а детали биографии могли объяснить настойчивый интерес к домам в Абхазии. Очень редкое сочетание имени и фамилии делало задачу не слишком сложной.

Павлик приехал почти через час – Артём к тому времени выглядел уже не раздражённым, а рассерженным. Помощник вылез из машины – знакомого Майе белого внедорожника неведомой марки – и пошёл открывать багажник, обронив на ходу:

– С прибытием! Извините, что я опоздал. Перед границей проколол колёса. Уродов, бросающих бутылки из окон, я считаю, нужно отстреливать.

Врёт он насчёт колёс, уловила Майя. Подумала, не дать ли об этом знать Артёму, покосилась на него и по тому, как сжались его губы, поняла, что никаких иллюзий относительно честности помощника у него нет.

Павлик оказался крупным рыхлым блондином, с одутловатым вытянутым лицом, носом-картошкой, красивыми светло-голубыми глазами в пушистых ресницах, маленьким женским ртом и высоким голосом. Слово «рохля» подходило к его облику как нельзя лучше.

Представив друг другу Майю и Павлика, Артём устроил свою спутницу на заднем сиденье, а сам уселся за руль. Помощник занял место рядом с водителем, уставился в телефон, да так и тарасился в него всю дорогу.

Высмотрев море из окна машины, Майя возликовала как дитя.

– Сегодня же отвезу вас на пляж! – засмеялся Артём. – Водичка ещё отличная, с погодой нам в этом году повезло.

До «Сердца гор» добрались в половине третьего. В последние минуты пути Майя осматривалась не без опаски – помнила, какие жуткие снежные завалы громоздились повсюду, когда она уезжала. Ей было бы очень грустно увидеть теперь вместо леса сплошной бурелом, оставшийся после лавины. К счастью, страхи не оправдались. Возможно, лес и поредел, но буйная зелень, чуть тронутая красками подступающей осени, полностью скрывала ущерб. Никаких поваленных, искривлённых и сломанных деревьев видно не было – по крайней мере, возле дороги.

– Мы всё тут прибрали, – пояснил Артём. – А выше поставили снегозащитное сооружение. Приглашали эксперта, он сказал, что сам дом и без того защищён рельефом. Тот, кто его построил, понимал, что делает – недаром нас тогда обошло. Но на всякий случай...

– Правильно, лучше перестраховаться, – согласилась Майя.

– А по-моему, это были лишние траты, – отвлекаясь от телефона, буркнул Павлик. – Можно подумать, нам деньги девать некуда.

Артём не удостоил его ответом.

За рыжим кирпичным забором гостевого дома произошли перемены. Входная дверь, разумеется, не была теперь украшена еловыми лапами и надписью «С Новым годом!» – проём обрамляло какое-то выющееся растение с узкими листьями и мелкими розовыми цветами. К самшитовым зарослям во дворе прибавились ухоженные пышные клумбы и кадки с фикусами и пальмами. С одной стороны ворот появились качели и горка, с другой – пара шезлонгов под зонтиком и ярко-жёлтый надувной бассейн, в котором плавал весёленький сине-белый мяч. На бортике бассейна, опустив в воду загорелые до черноты поцарапанные ноги, сидела девочка лет семи-восьми в красном купальнике и панамке в горошек. Балконы второго этажа пестрели сохнувшими полотенцами.

– Стало даже лучше, чем было, – молвила Майя, выбравшись из машины и осмотревшись.

Артём польщённо улыбнулся:

– Спасибо, Майя Михайловна, стараемся.

Друг за другом все трое вошли в дом. Павлик с Майиным чемоданом двинулся наверх, а сама Майя угодила в короткие, но очень крепкие объятия Натэллы. Скупая на улыбки повариha сейчас лучилась радостью.

– Красавица вы наша! Долго же мы вас ждали, – прогудела она, и было件нятно, что речь не о дороге из аэропорта, а о том, что Майя основательно припозднилась с визитом. – Идёмте, пока всё не остыло – я буду вас кормить!

Из глубины дома появился Нури, вполне приветливо произнёс:

– Здравствуйте, Майя Михайловна. Хорошо доехали? – и цепко, внимательно посмотрел на прибывшую.

Во взгляде старого горца читалось слегка насмешливое понимание. «Неужели он догадался, почему я здесь?» – насторожилась Майя; по спине у неё прошёл холодок.

– В самом деле, идите скорее обедать, – поторопил Артём.

– А как же вы?

– А я потом. Дел по горло, меня же столько времени не было!

Он ринулся в свой кабинет, а она помыла руки и пошла в столовую, где было уже накрыто на одну персону. Обедая, краем уха услышала, как управляющий устраивает кому-то разнос. Судя по обрывкам фраз, этим «кем-то» был Павлик.

* * *

Наелась Майя так, что едва могла дышать – Натэллино высокое искусство любого стоика лишило бы самообладания. Подбирая с тарелки остатки медового торта, она пообещала себе, что сегодня вечером – нет, завтра утром! – снова возьмется за ум. Но знала заранее, что слово сдержать не сумеет.

В этот раз Майе достался просторный номер на втором этаже, где зимой жили Софочка, Алексей Петрович и Борюсик. Кроме двуспальной кровати, шкафа и тумбочки, здесь имелись раскладной диван, журнальный столик и кресло. Майя просила Артёма поселить её на прежнем месте, но там оказалось занято. Сперва она огорчилась, а потом решила, что это к лучшему – воспоминания о счастливых днях и ночах, проведённых в мансарде вместе с мужем, теперь рвали бы ей сердце.

На журнальном столике стояли здоровенное блюдо с фруктами, бутылка вина – именно такого, какое Майя охотнее всего пила зимой – и широкая стеклянная ваза с охапкой пурпурных и белых роз, аромат которых ощущался ещё на лестнице. У Майи защекотало в носу. Всё в этом доме свидетельствовало: её тут ждали.

День клонился к вечеру. Майя приняла душ, надела шёлковое платье-балахон, белое в синий цветочек, и уселась в кресло. Ужасно хотелось на море, но напоминать Артёму об обещании прогуляться туда уже сегодня было совестно – парню и без того найдётся, на что потратить вечер. Майя взяла телефон – сигнал, к её облегчению, был приличный, – проверила, нет ли пропущенных вызовов, опять позвонила Вадиму, но он опять не ответил. Не особо надеясь, набрала домашний номер, однако тут её ожидал сюрприз: дочери были дома.

– Ваяем Танькину коллекцию, – сообщила Аня. – А ты там как? Хорошо устроилась?

– Лучше не придумаешь! – абсолютно честно ответила Майя. – Вы с папой разговаривали? Он что-то не берёт трубку.

– Разговаривали. У него всё в порядке. Сказал, что вечером у них будет фуршет на корабле.

– Фуршет на корабле? Какая прелесть.

Майя не стала просить девчонок передать отцу, чтобы он с ней связался. Пускай Вадим позвонит ей сам. Когда захочет. Если, конечно, захочет. Настроение у неё испортилось.

На экране возник конвертик входящей почты – похоже, в «Сердце гор» всё наладилось не только с телефоном, но и с интернетом.

Письмо было от Гоши.

Гоша писал, что автора отзывов вычислить не удалось – сайт, где их опубликовали, никакой авторизации не требует. Единственное, что получилось выяснить: оба они отправлены из одного и того же кафе в Ростове-на-Дону, а значит, одним и тем же человеком. Камеры наблюдения его, конечно, засекли, но добраться до записей невозможно – владелец кафе утвер-

ждает, что хранит архивы ровно месяц, и ни днём больше; даже если лукавит, без официального полицейского запроса шевелиться всё равно не будет.

Негусто, подумала Майя, но лучше, чем совсем ничего – и отправилась к управляющему поделиться находкой.

Артём сидел за своим компьютером и с отсутствующим видом смотрел куда-то поверх экрана. При появлении гостыи он оживился и просиял:

– Как хорошо, что вы пришли! Я не знал, что делать – то ли позвать вас купаться, то ли дать вам отдохнуть с дороги. Если ехать на пляж, то нужно прямо сейчас – скоро станет прохладно.

– Конечно, поедem, – кивнула она. – Спасибо за угощение и цветы.

– Рад, что вам понравилось.

– А у меня есть новость.

– Вы уже что-то выяснили? – удивился Артём.

– Пока совсем немного. Только то, что отзывы, с которых всё началось, были отправлены из Ростова.

– Из Ростова? – он удивился ещё больше. – Надо же. Кому мы помешали в Ростове? Я вообще никого там не знаю.

– И клиентов у вас оттуда не было?

– Были. Анжела и Валентин.

– Точно, они ростовчане! – вспомнила Майя.

– Эти двое от нас оба раза уехали очень довольными. Может, кто-то ещё... надо проверить по базе. Но сначала, – Артём вскочил, – я всё-таки отвезу вас на пляж. База от нас никуда не убежит.

* * *

Майя сходила к себе надеть купальник и взять полотенце, и они покатили на море. Дорога на берег оказалась неожиданно короткой, а пляж – ожидаемо чистым, маленьким и почти пустым. Артём остановил машину метрах в десяти от берега.

– Купайтесь, Майя Михайловна, я вас тут подожду.

Солнце садилось, на воде пламенела закатная дорожка. Прозрачные низкие волны лениво перебирали разноцветную гальку. У Майи даже сердце зашлось, так сильно ей захотелось в воду. Скинув босоножки и платье, она почти бегом устремилась к полосе прибоя. Тёплая-претёплая волна окатила колени. Майя обернулась. Артём стоял, прислонившись к капоту и скрестив руки на груди, и провожал её взглядом.

– Пойдёмте со мной, – позвала она. – Вода как парное молоко!

– Да ну, не стоит, – он улыбнулся и покачал головой. – Не беспокойтесь обо мне, плещитесь сколько хотите.

– Сколько раз за лето вы купались? Один или два?

– Три. Некогда мне, Майя Михайловна, вы же понимаете.

– Понимаю – поэтому и зову. Пусть будет хотя бы четыре!

Артём колебался, его улыбка стала смущённой.

– Вам не в чем? – предположила Майя.

– Мне есть в чем. Где-то в багажнике были плавки.

– Тогда и думать не надо. Переодевайтесь – и идите! – велела она, нырнула в очередную волну и поплыла, наслаждаясь каждым своим движением и каждым движением моря.

Вскоре Артём её догнал. Он был превосходным пловцом – длинные крепкие руки двигались размеренно и мощно, как лопасти гребного винта. Моментально ушёл вперёд, но вскоре возвратился и по-дельфины нарезал около Майи большие круги, пока она бултыхалась на глу-

бине. Когда карминный солнечный диск коснулся горизонта, Майя двинулась назад; Артём и теперь её опередил. Выйдя на берег, она увидела своего спутника уже облачённым футболку и джинсы.

К хорошему быстро привыкаешь – толстую махровую простынь, словно по волшебству укрывшую плечи, Майя восприняла как нечто само собой разумеющееся.

В «Сердце гор» они вернулись затемно. Тянуло вкусным смолистым дымком, в дальнем углу двора колдовал над мангалом коренастый парнишка с копной взъерошенных чёрных волос.

– Мурат, – показал на него подбородком управляющий. – За шашлык у нас отвечает он. А ужинаем мы обычно на свежем воздухе.

От души поблагодарив Артёма за прогулку, Майя поднялась в номер. Она собиралась смыть с себя морскую соль и надеть платье с длинными рукавами, после чего поужинать и познакомиться с Муратом и его невестой. Но за порогом вдруг поняла, что сил не хватит даже на первый пункт плана – слишком уж продолжительным получился заплыв. В ушах до сих пор шумело море. Единственное, что Майя сумела сделать – отыскать в потёмках телефон и убедиться, что Вадим ей так и не позвонил. После чего упала поперёк кровати и сразу уснула.

Она бы, наверное, проспала до утра, если бы в половине третьего её не разбудили постукивание и скрежет, доносящиеся откуда-то снизу. Секунды спустя к ним прибавился протяжный, мучительный стон, который сменился маленьким дробным смехом. От этого смеха у Майи всё тело покрылось мурашками, и сон с неё слетел, как не бывало.

Глава 4. Ночные контуры, дневные краски

Майя рывком уселась на постели и прислушалась. Было так тихо, что она различала стук собственного сердца, которое колотилось как бешеное. Ни шагов в коридоре, ни голосов за стеной, ни собачьего лая снаружи. Похоже, никого, кроме Майи, зловещие звуки не потревожили. А ведь они, и в самом деле, пробирались до костей – не зная она заранее, что в этом доме кто-то разыгрывает «ужастик», испугалась бы по-настоящему, особенно спросонья. Минуту спустя и скрежет, и смех, и стоны раздались опять, теперь к ним добавились приглушённые крики, похожие на отчаянные мольбы о помощи. «Сильно! – с оттенком восхищения подумала Майя. – Я бодрствую и я уверена, что это спектакль, а всё равно мороз по коже!» Она поднялась, подошла к двери, приоткрыла её и снова прислушалась. Дом продолжал безмятежно спать, из чего Майя сделала вывод, что представление устроили персонально для неё.

Первым её побуждением было отправиться на поиски злоумышленника, но она сдержалась. Пользы всё равно не будет – пока она спускается по лестнице, он успеет удрать. А навредить можно – если шутник насторожится раньше времени, это усложнит расследование. Поэтому Майя поступила так, как, на её месте, поступила бы обычная, неосведомлённая женщина: вернулась в номер и крепко-накрепко заперлась изнутри.

Звуки больше не повторились, но и спать уже расхотелось. Майя включила свет – пусть тот, кто её пугал, думает, что достиг цели. На подносе с фруктами отыскала несколько персиков, забралась с ногами в кресло и принялась размышлять, вытирая ладонью текущий по подбородку душистый сок. Итак, подозреваемых изначально было шестеро: Нури, Натэлла, Тамара, Павлик, Мадина и Мурат. Теперь их осталось пятеро – Тамара появится в доме только завтра, а значит, к недавнему происшествию она, определённо, непричастна. Для простоты, решила Майя, нужно пока исходить из того, что задача у шутника самая очевидная – лишить гостевой дом потока клиентов – и что действует он в одиночку и добровольно. Если всё так, значит, им должен быть человек, который не связывает своего будущего с «Сердцем гор» – по крайней мере, в том виде, в каком этот дом существует сейчас. Стало быть, именно с поисков временщика и нужно начинать.

Пока не закончились персики, Майя прикидывала, о чём и как ей беседовать с каждым подозреваемым. Затем умылась, вместе с липкими следами чревоугодия смывая остатки сонливости, расчесала волосы, поменяла измятое платье на брюки и блузку и занялась ещё одним нужным делом – залезла в интернет и стала разбираться, что представляют собой источники направленного звука. Перескакивая с одной страницы на другую, она не забывала прислушиваться – ей не терпелось спуститься вниз, чтобы проверить одну свою гипотезу, но следовало дожидаться подходящего момента.

Без четверти пять этот момент, наконец, наступил – внизу громко хлопнула какая-то дверь. Сунув телефон в карман, Майя выскользнула из комнаты и поспешила на первый этаж.

В холле у входа она увидела Мурата. На парне была штормовка – он или только что вернулся со двора, или намеревался выйти. Майя окликнула его ещё с лестницы:

– Доброе утро!

Помощник Нури поднял на неё глубоко посаженные тёмные глаза, но не ответил. «Очень неразговорчивый» – вспомнила она слова Артёма.

Мурат был юн – вряд ли ему перевалило за двадцать. Простое квадратное лицо казалось бы симпатичным, если бы не стиснутые губы и не резкая складка между широких чёрных бровей. «Хотела бы я знать, из-за чего он так напрягается!» – подумала Майя и спросила, изобразив особенную улыбку – приветливую и испуганную одновременно:

– Вам тоже не спится?

– Бэсоница! – с заметным кавказским акцентом выговорил Мурат после долгой паузы, когда Майя уже решила, что ответа не будет.

Голос у него оказался слишком низким для его возраста.

– А меня, – вздохнула Майя, – посреди ночи разбудили какие-то жуткие звуки. Вы ничего не слышали?

– Нэт! – теперь уже без паузы ответил он, невежливо развернулся и вышел из дома.

Как минимум одно из двух произнесённых им слов было ложью. А может, и оба сразу. Но ни ложь, ни напряжённая мимика ещё не делали Мурата подозреваемым номер один – мало ли у людей бывает причин для беспокойства и вранья?

В доме по-прежнему стояла тишина, и Майя, ловя момент, переместилась в гостиную, расположенную непосредственно под её номером. В незанавешенное окно снаружи светил фонарь; во дворе было пусто. Осмотревшись, Майя определила, над какой частью гостиной расположено изголовье кровати, направила в потолок свет телефонного фонарика и тут же нашла искомое. На белой водоэмульсионной краске виднелся тонкий дугообразный след – такой слабый, что его не удалось бы заметить, если не знать заранее, что искать. Этот след был оставлен раструбом звукового приспособления, который прижимал к потолку злоумышленник.

Очень довольная находкой, Майя немедленно отправилась к Артёму, ночевавшему, как она помнила, в крошечном помещении позади кабинета. Её нимало не смущал тот факт, что на часах нет ещё и пяти – она была готова поднять управляющего с постели и только не могла сходу сообразить, стучать ли к нему, рискуя раньше времени перебудить обитателей «Сердца гор», или позвонить по телефону.

Но будить никого не пришлось. Артём открыл на первое же осторожное царапанье в дверь кабинета и, судя по прибранной одежде, бодрому внешнему виду и включённому компьютеру, не спал уже давно. Майя приложила палец к губам и шагнула внутрь, прежде чем администратор успел что-то сказать. Он кивнул, понимая, заперся изнутри и лишь тогда вполголоса произнёс:

– Доброе утро, Майя Михайловна! Что-то случилось?

– Доброе утро. А вы чего так рано встали?

Артём пожал плечами:

– Проснулся и встал. По утрам лучше работается, – и настойчиво повторил вопрос: – Случилось что-то, Майя Михайловна?

– Ничего неожиданного, – улыбнулась она. – Просто у меня к вам дело. С которым лучше было бы разобраться, пока все спят.

– Садитесь, пожалуйста, – он показал на стул для посетителей, а сам вернулся за компьютер.

Майя примостилась на краю сиденья, намекая, что разговор будет недолгим.

– Скажите, Артём, в доме есть место, где можно спрятать громоздкий и длинный предмет?

– Громоздкий и длинный предмет?.. – удивлённо переспросил её визави.

– Акустический волновод – кажется, так это называется. Видите ли, я ночью слышала звуки...

– Вас напугали?! – удивление сменилось тревогой.

– Нет. Я же была готова к чему-то в этом роде... Иначе, да, могли бы и напугать – звуки, прямо скажем, очень неприятные. Но главное не это, – заторопилась объяснить Майя. – Главное, что их, по-видимому, не слышал никто, кроме меня, хотя они были достаточно громкими. Отсюда следует, что наш шутник не бродил по дому с динамиком...

– ...А использовал какую-то приблуду для избирательной слышимости! – подхватил Артём.

– Именно так. Я думаю, вы бы и раньше догадались, если бы специально расспрашивали гостей и персонал, не слышат ли они по ночам чего-нибудь странного. Но вы, как я понимаю, этого не делали – не хотели привлекать внимание к происходящему.

Артём кивнул с сосредоточенным видом.

– Эта, как вы её назвали, приبلуда маленькой быть не может, по определению. Колонка, усилитель, звукоизоляция, ручка, чтобы поднимать под потолок... Я не физик и не совсем понимаю, как всё это работает. Но зато понимаю, что держать такую конструкцию у себя в комнате – самоубийство, её моментально обнаружат. Значит, следует прятать в другом месте, и наша задача там её найти.

– В другом месте, говорите... – протянул он задумчиво. – Если вы имеете в виду схрон, где сидел Кирилл, то мы с Нури и вход, и выход заблокировали ещё зимой, от греха подальше.

– Я ничего не имею в виду, Артём, – качнула головой Майя. – Зимой такую штуку, кроме той норы, спрятать было бы, действительно, негде, это я помню. Но с тех пор наверняка что-то изменилось.

– Изменилось, точно! – управляющий хлопнул ладонью по столу. – А пойдёмте-ка, проверим.

Он посмотрел на Майю, глаза у него заблестели.

– «Как в старые добрые времена», да, Майя Михайловна?

– Угу, – усмехнулась она, – «как в старые добрые времена». Надеюсь, наше нынешнее расследование закончится так же благополучно, как предыдущее.

– Я в этом даже не сомневаюсь, – заключил Артём, поднялся и поманил её за собой.

Он привёл её в подсобное помещение около кухни, зимой стоявшее наполовину пустым. Тогда там был лишь один стеллаж от пола до потолка, занятый утварью, которой не хватило места в сияющем чистотой и порядком Натэллином царстве. Стеллаж и теперь никуда не делся, но остальную часть подсобки заполонила всякая всячина, по-видимому, оставшаяся после ремонта дома – банки с краской и клеем, рулоны обоев, обрезки труб, паркетные доски и деревянные рейки.

– Раньше всё это хранилось в сарае, – шёпотом объяснил Артём. Здесь было так тесно, что Майя чувствовала его дыхание на своём лице. – Но потом Нури понадобилось больше места – пришлось перенести сюда. Выбрасывать мы пожалели, пригодится на починку.

– Понятно, – так же шёпотом откликнулась Майя. – Идеальное место! Будем искать, – она секунду подумала и сама себя поправила: – Хотя нет, искать буду я. А вы покараульте снаружи.

Он послушно вышел в коридор и прикрыл за собой дверь. Она же, стараясь производить как можно меньше шума, принялась за поиски – и вскоре они увенчались успехом! «Приبلуда», чашеобразным расширением вниз, стояла в углу вместе с трубами; верхняя её часть от них была неотличима.

– Артём! Я нашла!..

– Надо же, как вы ловко! – протиснувшись обратно в кладовку и рассмотрев находку, восхитился он.

– Спрятать что-либо на видном месте, где никому не придёт в голову искать – это классика, – прошептала она.

Артём приподнял волновод, и они заглянули в раструб. Внутри, действительно, торчала небольшая колонка.

– А запись, скорее всего, идёт на неё через «блютуз», – предположил администратор. – Мне кажется, это самоделка.

– Я тоже так думаю, – кивнула Майя.

– Выходит, у нашего шутника есть технические навыки?

– Необязательно. Он мог получить все детали вместе с инструкцией по сборке. Или даже исхитриться и пронести в дом готовую вещь.

– Да... согласен.

Из подсобки они вышли, расставив в ней всё, как было.

– Я не буду спрашивать, кто, кроме вас, может сюда войти, – вздохнула Майя. – Ключ торчал в замке, а значит – кто угодно.

– Увы, – развёл руками Артём. – Его тут часто забывают, хотя вообще-то должны возвращать на стенд в кабинете.

– По-моему, сейчас имеет смысл его забрать – и понаблюдать, кому, когда и зачем он понадобится.

– Отличный совет! – кивнул управляющий и, заперев дверь в подсобку, спрятал ключ в карман.

Он снова выглядит взвинченным, без удивления отметила Майя. Она уже успела привыкнуть ко всему тому, чего в Артёме не было зимой – и к приступам беспричинной нервозности, и к фальшивым нотам, порою звучащим в его речи. Устраивать ему допрос Майя не собиравалась – разгадать секрет самостоятельно, похоже, стало для неё частью игры.

* * *

Расставшись с Артёмом в холле у лестницы, в номер она не возвратилась – пошла в гостиную, дожидаться, когда на кухне загремит кастрюлями Натэлла. У неё можно будет раздобыть кофе и ещё какую-нибудь снедь. Живот подвело от голода, и персики ситуацию не спасли – зверский аппетит, просыпавшийся у Майи в этом доме, не простил ей пропущенного накануне ужина.

Пунктуальная повариха приступила к своим обязанностям в шесть ноль-ноль, а в восемь минут седьмого Майя получила, наконец, вожденную кружку крепчайшего кофе.

– Вот я всегда говорю: нельзя ложиться спать на голодный желудок – душа по миру пойдёт, – отвернувшись к плите, проворчала Натэлла.

– А я всегда вас спрашиваю: что это значит – «душа по миру пойдёт»? Но вы ни разу мне не ответили, – засмеялась Майя.

Возле неё стояла корзинка с печеньем, но сладкого не хотелось. Взгляд зацепился за поднос с пресными лепёшками на подоконнике. Майя приподнялась и ухватила три штуки.

– Вчерашние, – так же ворчливо предупредила Натэлла.

– Ну и что? Я всё равно их съем.

Натэлла возмущённо фыркнула, даже спина у неё теперь выражала негодование. Но через несколько секунд перед Майей возникла пиалка, наполненная сметанным соусом с чесноком и зеленью.

Есть вчерашние лепёшки, макая их в острый пахучий соус и запивая кофе, было смешно и странно, но почему-то ужасно вкусно.

– Сюда бы Вадима Альбертовича, – сказала, не оборачиваясь, повариха. – Я бы такие лепёшки каждый день пекла – они ему особенно понравились. Жалко, что он не приехал.

– Вадим Альбертович сейчас на конгрессе.

– Но летом-то он будет отдыхать? Привозите его к нам летом!

– Постараюсь, – улыбнулась Майя, не позволяя себе задержаться на мысли, что следующий отпуск Вадим почти наверняка проведёт в другой компании.

– Лучшего лета, чем здесь, у меня не было, – Натэлла поставила в духовку противень с крошечными овальными пирожками, сполоснула руки и села за стол напротив Майи. – Не хочется мне отсюда уезжать.

– А собираетесь?

– Рано или поздно придётся. Артём говорит, ещё один-два сезона, а потом мы подготовим себе замену и вернёмся в Адлер. Артёма я, конечно, не брошу. Да и родня у меня почти вся

там, – родня имелась в виду дальняя; Натэлла давно овдовела, а её взрослая дочь вышла замуж за иностранца и уехала к мужу. – Но здесь я чувствую себя на своём месте.

– Понимаю. Это очень важно! – кивнула Майя и откусила очередной кусок лепёшки.

Смотреть на Натэллу и слушать её было очень приятно – каждое слово и каждый жест поварахи дышали искренностью. Но прежде чем со спокойной душой вычеркнуть её из списка, требовалось разведать кое-что ещё.

– Кстати, о родне, – промолвила Майя, прожевав. – Вахтанг, наверное, по-прежнему вас навещает?

– Не навещает, – разом поскучев, бухнула Натэлла.

– Но почему?! Я же видела, как трепетно он к вам относится.

– Не хочу про него вспоминать, – повараха отвела глаза и уставилась куда-то в стену.

– Он вас обидел?.. – так мягко, как только могла, спросила Майя.

– Да лучше бы он меня обидел! Семейно опозорил, паскудник! – не выдержала её себе-седница. Повторив: – Не хочу про него вспоминать! – она тяжело и резко поднялась и снова встала к плите.

«Семейно опозорил» прозвучало неожиданно. Для зимних проделок Вахтанга определение было слишком жёстким – репутации его семьи они повредить не могли. Пусть даже Натэлла каким-то образом узнала, чем промышлял её любимый племянник в «Сердце гор» – хотя Артём и уверяет, что ничего ей не рассказывал! – она бы, в любом случае, назвала его шалости как-то иначе. Похоже, Вахтанг успел натворить что-то ещё, и намного более серьёзное. Но выпытывать у Натэллы, что именно, Майя не стала. Ей было достаточно убедиться, что добрая женщина непричастна к «полтергейсту» – а информацию о Вахтанге можно получить и другими способами.

Допив последний глоток, она подошла к поварахе, приобняла её за плечи и быстро проговорила:

– Простите, пожалуйста, не буду вас терзать! – не дождавшись ответа, прибавила: – Спасибо за кофе, Натэлла, я себя человеком почувствовала! – после чего отправилась в номер.

* * *

Письмо от Чулпан прилетело очень вовремя. В теме значилось: «Юрий Федюхин». Чулпан удалось найти одного-единственного человека с таким именем, удовлетворяющего нужным критериям – взрослого, обеспеченного и заинтересованного в покупке дома в Абхазии. Это был довольно известный московский врач-пульмонолог. Несколько раз его приглашали в ток-шоу, где он рассказывал об авторском методе лечения болезней лёгких и о намерении открыть собственную лечебницу – причём упоминалась именно Абхазия, в которой, якобы, есть районы с идеальным микроклиматом. Последнее, что удалось узнать о докторе Федюхине из открытых источников – что он нашёл инвесторов для своего проекта. В конце письма Чулпан интересовалась, нужно ли вытаскивать что-то ещё из источников закрытых.

Обрадованная тем, что коллега уже проснулась, Майя перезвонила в ответ и сказала: не нужно. Её, Майю, больше всего волнует судьба Федюхинского проекта, а для этого закрытые источники не требуются – достаточно пообщаться с самим врачом частным порядком и спросить, скоро ли заработает его лечебница и где она находится.

– Сделаю, не вопрос, – легко согласилась Чулпан, не вынуждая Майю объяснять, почему та не может связаться с ним от своего имени.

– И вот ещё что. Пожалуйста, наведи для меня справки о Вахтанге Шанава, восемьдесят третьего года рождения. Гражданство может быть любое – российское, абхазское или двойное. Зимой жил в Сухуме, называл себя предпринимателем; где находится сейчас и что делает – не знаю; скорее всего, замешан в каком-то криминале.

- С криминалом – это не ко мне. Покровского попрошу, ты не против?
- Проси, конечно, мне без разницы.
- К вечеру всё будет, – пообещала Чулпан и отключилась.

А утро, тем временем, вступало в свои права. Небо стремительно светлело, дом оживал и наполнялся уютным курортным шумом. На балконе соседнего номера заливался смехом ребёнок. Поодаль включили телевизор. Из коридора донёсся голос женщины, обещавшей кому-то заказать завтрак наверх. «Я тоже так сделаю, но позже», – подумала Майя. Идти в столовую ей не хотелось – хотелось сладкого утреннего уединения. Знакомство с другими постояльцами можно и отложить, практического смысла оно пока не имело.

Одно из окон Майиного углового номера выходило на ту самую калитку, которую зимой караулил смыслённый мальчик Боря, и на крыши построек позади неё, где были владения егеря. Поэтому лай собак и лошадиное ржание хозяйка комнаты различала даже лучше, чем голоса соседей. Привлечённая звуками, она подошла к окну и выглянула наружу. Калитка стояла распахнутая настежь, людей видно не было. После завтрака, рассудила Майя, первым делом нужно навестить Нури – посмотреть на его питомцев и на то, как у него всё устроено. Она хотела отодвинуться от окна, но тут из дома через заднюю дверь вышла невысокая, крепко сбитая девушка с объёмистой эмалированной кастрюлей – очевидно, Мадина.

– Мурат! – густым и «плотным», под стать комплекции, голосом позвала девушка.

Ответа не было. Горничная вздохнула, поставила кастрюлю на землю и снова крикнула:

– Мурат!

Вместо помощника Нури из-за угла дома вырулил помятый и заспанный Павлик в серых трикотажных штанах, вытянутых на коленях, и широкой футболке очаровательного цыплячьего цвета.

– Доброе утро, козочка! – игривым тоном приветствовал он Мадину. – Как спалось?

Девушка обернулась к нему, и Майя получила возможность рассмотреть её лицо – такое же квадратное и простое, как у Мурата. Неровная смуглая кожа, широкие сросшиеся брови, крупный мясистый нос, тёмный пушок над верхней губой, тяжёлый подбородок... да уж, назвать Мадину хорошенькой было невозможно. Одинаково плоская и сзади, и спереди, не могла она похвастаться и фигурой. Единственное, что её украшало – пышные и блестящие чёрные волосы, собранные сейчас в низкий хвост. Но зато взгляд, которым горничная смерила Павлика, был умным и цепким. Пожалуй, Артём не ошибся, отметив, что она из тех, кто «способен вырасти от курьера до директора компании».

– Меня зовут Мадина, вы опять забыли? – проронила девушка с точно отмеренным раздражением в голосе – ровно таким, чтобы показать, что фамильярное «козочка» ей не нравится, но не провоцировать Павлика дразнить её постоянно.

Акцент у Мадины почти отсутствовал.

– Не забыл, бодливенькая ты наша, – хохотнул Павлик. – Но, согласись, «козочка» тебе идёт гораздо больше? Целыми днями бодаешься и прыгаешь!

Горничная поджала губы.

– Ну ладно, не дуйся! – он подался к ней, взял за локоток и вдруг предложил: – Поехали со мной на пляж. После завтрака повезу людей – и тебя возьму.

– Спасибо, но я работаю, – она аккуратно, но очень решительно высвободилась и отступила в сторону.

– Работа не волк, в лес не убежит. А тепло скоро закончится, нужно им пользоваться.

В этот момент из дома вышел управляющий.

– Ах, вот ты где! – разгневанно бросил он, обращаясь к Павлику. – Почему мне приходится тебя искать?! И где счет на бытовую химию, который я просил принести ещё вчера вечером?

– Будет, Артём, сейчас всё будет, чего ты расшумелся? – засуетился помощник. – Я подумал, вечером ты, в любом случае, не...

– Нужно не думать, а делать, как велено. Чтобы через пять минут счёт лежал у меня на столе, – отрезал Артём и вернулся в дом; Павлик кинулся следом.

Мадина подняла кастрюлю и шагнула к калитке, в которую в ту же секунду вошёл Мурат. Сама не зная, как – не то по скорости его появления, не то по выражению лица – Майя догадалась, что он всё слышал. Вокруг Мурата, размахивая висячими ушами и повизгивая от счастья, скакала большая коричневая собака с рыжими подпалинами. Он прикрикнул на псину, которая сразу присмирела и села у его ног, буркнул что-то по-абхазски своей невесте, забирая у неё ношу – и за ручки кастрюли ухватился так яростно, что побелели костяшки. Мадина нежнейшим образом прикоснулась к его плечу и принялась говорить, успокаивая и словно объясняя нечто важное. Майе почудилось, что в потоке непонятной речи пару раз мелькнуло слово «Артём». Мурат продолжал бурчать, но постепенно смягчился, руки расслабились, по лицу пробежала улыбка. Парень и девушка вскоре разошлись, возвращаясь к своим обязанностям, а Майя ещё какое-то время стояла у окна – осмысливала увиденное.

Положа руку на сердце, сценка была странная. Странная не поведением Павлика, цеплявшегося к Мадине явно не ради того, чтобы замутить интрижку, а просто от скуки. И не спокойствием горничной, знающей себе цену и умеющей за себя постоять. По-настоящему заинтриговало Майю бездействие Мурата. Почему он не вступился за невесту? Даже если допустить, что ссориться с помощником Артёма ему не позволяют субординация и страх потерять работу – хотя особого уважения к Павлику в «Сердце гор», похоже, не испытывали – даже в этом случае непонятно, что мешало Мурату войти во двор на две минуты раньше, обозначив своё присутствие? Да и сама Мадина, кстати, держала себя совсем не так, как следовало бы девушке, жених которой трусит защитить её от приставаний других мужчин – что тоже казалось довольно странным. Фантазировать, придумывая разгадку, Майя не стала – сложила очередной кусочек мозаики в мысленную «коробочку», уверенная, что рано или поздно ему найдётся место в общей картине, и на этом успокоилась.

* * *

Остаток утра она провела, как мечталось – светло и безмятежно. Всласть поплескалась в душе, неприлично плотно позавтракала, поболтала по телефону с девочками, повалялась на постели с книжкой, а потом, когда стрелки часов уже подползали к одиннадцати, вдруг вспомнила о лежащем на дне чемодана пакете с рисовальными принадлежностями – и решила в него заглянуть. Обещанное Краузе вдохновение не приходило, но терять надежду, что это случится, было ещё совсем рано.

Майя достала пакет, разложила на журнальном столике кисти и краски и немножко полюбовалась своими сокровищами. Потом раскрыла папку с бумагой, намереваясь взять чистый лист – и увидела лежащую сверху незаконченную акварель. Досадливо поморщилась – рисунок оказался тут случайно; последнее, что она собиралась делать – портить себе отпуск попытками довести до ума неудачные заброшенные работы. Раздумывая, куда девать находку – убрать назад в чемодан или просто выкинуть, – Майя пробежала по ней оценивающим взглядом.

Задумка была неоригинальная, но симпатичная: дождливая осенняя аллея, чёрные от сырости стволы деревьев, багряные и охристые кроны, облака голубиного цвета и их отражения в лужах, а в дальнем конце аллеи – силуэты мужчины и женщины, идущих под одним зонтом. Реализация же, как обычно, подкачала: вместо деревьев была аляповатая мазня, стволы расплылись, небо вышло унылым, как белёный потолок, лужи Майя изобразить не успела. И только парочка получилась как надо – в лаконичных мазках раскрывалась целая история. Немолодой, но статный мужчина ступал с достоинством, подставив руку своей спутнице, а та,

совсем ещё молоденькая, длинноногая, худенькая и коротко стриженная, льнула к нему, как воплощение первой любви. Над парочкой Майя корпела в мастерской у Краузе, под личным его руководством. Она давно привыкла, что он не только умеет угадывать её замыслы, но зачастую понимает их лучше неё самой. Однако в тот день наставник превзошёл себя. Майя не рассказывала ему про Вадима и Фиби – она вообще никому про них не рассказывала. Откуда же он тогда узнал, как именно должны выглядеть мужчина и женщина на её картине?..

Искушение отправить акварель в мусорную корзину было велико – но столь же велико было и непонятное желание её сохранить. Деликатный стук в дверь избавил Майю от необходимости немедленно принять решение.

– Войдите! – крикнула она, и на пороге возник Артём, выглядевший слегка виноватым.

– Майя Михайловна, простите! – он внедрился в комнату и прикрыл за собой дверную створку. – Только сейчас сообразил, что не предупредил вас, в котором часу мы отвозим гостей на пляж. Павлик уже уехал. Я сам могу, если хотите...

Майя с улыбкой поднялась ему навстречу.

– Сейчас? Нет, не хочу. Отвезёте вечером, как вчера. Если, конечно, у вас найдётся время.

– Как вам будет угодно, – Артём улыбнулся в ответ.

– Но раз вы сейчас не слишком заняты... – начала она; план действий у неё уже сложился.

– Не слишком! – с готовностью подхватил он.

– Тогда, пожалуйста, дайте мне возможность взглянуть на ваших соседей. Как называется их заведение? «Приют в поднебесье»?

– Угу.

– Я бы хотела с ними познакомиться. Это можно устроить?

– Без проблем, – закивал администратор. – Я позвоню Алле – она там главная. Скажу, что собираюсь показать вам её цветы. Цветник у них, и правда, обалденный.

«Алла, – повторила про себя Майя. – Отлично!» Появление на горизонте ещё одной женщины её обрадовало – дурнушка Мадина на роль Артёмовой тайной любви решительно не годилась. Хотя кто знает, какова она в близком общении? А эта Алла, в действительности, может быть пятидесятилетней матроной, вроде самой Майи. Но познакомиться, в любом случае, стоило, и чем скорее, тем лучше.

– Когда пойдём?

Артём промолчал – уставился, хмурясь, куда-то ей за плечо. Майя обернулась и поняла, что он разглядывает осеннюю акварель. Ей стало неприятно. Свои работы она стеснялась демонстрировать даже членам семьи, чего уж говорить о посторонних?

– Это ваш рисунок, Майя Михайловна?

– Мой. Но он не стоит того, чтобы на него смотреть, – вздохнула она и спрятала акварель в папку.

– А по-моему, очень красиво! – на губах у Артёма опять заиграла улыбка, складка между бровей разгладилась.

– Когда-нибудь будет красиво. Но пока я только учусь. Решила вот заняться на старости лет.

– Скажете тоже – на старости! – возмутился он.

– Как выяснилось, наличие хобби здорово украшает жизнь, – Майя решила не углубляться в обсуждение собственного возраста. – Ужасно жалею, что не начала раньше. Вернее, начинала давным-давно, но тогда же и забросила.

– А у меня нет хобби, – развёл руками молодой человек. – Всё как-то... не до того. Сначала учёба – спецшкола английская, университет, год в Европе... потом работа. В детстве ходил в музыкалку, играл на кларнете. Родители настояли – типа, для лёгких полезно, и вообще. Я как доучился, так этот чёртов кларнет запихал на шкаф – и больше никогда не доставал.

– Непременно придумайте себе дело для души! – шутливо-назидательным тоном произнесла Майя. – Придумайте теперь, не откладывая, а не тогда, когда уйдёте на пенсию. Неужели вам совсем ничего не хочется, кроме собственной гостиницы?

– Хочется. Постараюсь придумать, – с неожиданным смущением пробормотал он.

Озадаченная острой реакцией, Майя поспешно сменила тему:

– Вы не ответили, Артём. Когда мы пойдём в «Приют в поднебесье»?

– Не пойдём, а поедем, – встрепнулся управляющий. – Это довольно далеко. И знаете, что, Майя Михайловна... У меня есть идея! Предлагаю поехать не на машине, а верхом.

Настал её черёд смутиться – и переспросить изумлённо:

– Верхо-ом?.. Что вы такое придумали?! Я не умею верхом.

Прокатиться на лошади Майе довелось один раз в жизни, и так давно, словно этого не было вовсе.

– Невелика печаль! – засмеялся Артём. – Мы с Нури в два счёта вас научим. И лошадку дадим самую смирную – сама довезёт, куда надо.

– О Боже! – она провела ладонями по лицу. – Мне уже заранее страшно. Отказаться я, видимо, не могу?

Он удивился:

– Почему не можете? Ваши желания для меня закон. И нежелания тоже. Я просто подумал, что конная прогулка в горах доставит вам удовольствие.

* * *

Майя и сама не знала толком, почему согласилась. Может, не захотела выглядеть трусихой – не столько в глазах управляющего «Сердца гор», сколько в своих собственных. А может, и в самом деле, увлеклась идеей маленького приключения. Так или иначе, но десять минут спустя, подобрав волосы и переодевшись в подходящие случаю бежевые капри и лёгкую белую блузку в золотисто-розовый цветочек, она явилась на задний двор. Артём дожидался там, вместе с Нури и Муратом. Первым делом Майя собиралась попросить Нури показать ей четвероногих подопечных. Однако при виде двух лошадей, к тому времени уже выведенных из конюшни и осёдланных, так сильно растерялась, что о своём намерении позабыла – и беспокоилась теперь лишь о том, как бы растерянность не стала совсем уж явной.

– Её зовут Аира, – с удовольствием произнёс Нури, подводя Майю к предназначенной ей лошади, серой в белых пятнышках.

Такие пятнышки, вспомнила Майя, называются «яблоками».

Аира лениво помахивала холёным хвостом и косила на будущую наездницу внимательным голубым глазом.

– Угостите её, – егерь вложил в Майину руку кусок сахара. – Раскройте ладонь... вот так. Она возьмёт.

После недолгого раздумья Аира потянулась к лакомству, мягкие лошадиные губы коснулись ладони, и сахар исчез. Майя медленно выдохнула, осторожно погладила тёплую шелковистую шею и вымолвила:

– Как по-твоему, мы подружимся?

Лошадь тихонько фыркнула и шевельнула ушами. Майе хотелось поверить, что это означает: «Да!»

Началась весёлая и слегка неловкая суэта: Майе в шесть рук помогали забраться в седло, проверяли, удобно ли ей, подтягивали стремяна, а потом сообща учили трогаться с места, поворачивать и останавливаться. Лошадка, и правда, оказалась смирной – движение и смех вокруг себя, и Майины ахи и вздохи она воспринимала с философским спокойствием. Её собрат, буланый черногривый жеребец Гучар, предназначенный Артёму, переступал с места на место

и всхрапывал; вот он-то, видимо, нервничал – или попросту измучился в ожидании прогулки. Сама же всадница из всех сил старалась не паниковать и втайне радовалась своей хорошей физической форме. «Ну и позорище было бы, – думала Майя, – если бы пришлось закидывать меня наверх, как куль с мукой!» В седло она взобралась хоть и с поддержкой, но самостоятельно – и держалась в нём крепко. И когда стало понятно, что Аира, действительно, слушается, подчиняясь командам и натяжению уздечки, страх отступил и рассеялся, освободив место жажде новых ощущений.

Тренировки ради Майя несколько раз прокатилась туда-сюда вдоль конюшни и псарни и, наконец, смогла осмотреться по сторонам. Постройки вплотную примыкали друг к другу, свободного пространства между ними почти не осталось, но, несмотря на это, ощущения тесноты не возникало – вероятно, потому, что чистота и порядок здесь были почти такие же, как в кухне у Натэллы. Майя любовалась лоснившимися довольством собаками, которые флегматично взирали на неё через сетку вольера. Поинтересовалась у Нури, сколько всего у него лошадей, получила ответ: четыре – и предложение познакомиться с остальными двумя. Отметила, какими влюблёнными глазами смотрит он на животных, как молодеет и светлеет его лицо и сколько радости появляется в его низком и хриплом голосе, когда он обращается к ним. И сделала вывод: этот человек абсолютно счастлив. Он получил всё, что хотел, и по доброй воле с полученным не расстанется. Майя хоть и с трудом, но могла себе представить, что Нури обидится на Артёма и начнёт «копать» под него лично. Однако вредить репутации «Сердца гор» старый горец не станет ни за какие коврижки.

Прямо сейчас, впрочем, ни о какой обиде речи не шло. С Артёмом Нури вёл себя приветливо и корректно, от прежнего раздражения не осталось и следа. Вместо него в интонациях и взгляде появилась едва заметная снисходительность, на которую впору было обижаться уже Артёму. Но дело есть дело – управляющий, если и чувствовал себя задетым, виду не подавал и вообще держался молодцом. «Всё в порядке, – понаблюдав за обоими, заключила Майя. – Даже лучше, чем я рассчитывала!» Она была очень довольна, что зимние усилия не пропали даром.

Кто её сумел удивить – так это Мурат! К Нури, как и предполагалось, он испытывал почтение, граничившее с подобострастием – указания егеря парнишка кидался выполнять раньше, чем тот успевал договорить. На Артёма такое почтение не распространялось, но повода упрекнуть себя в нарушении субординации Мурат не давал – он был и вежливым, и исполнительным. Чего-то большего от родственника Нури ожидать не стоило. Сюрпризом для Майи оказалось отношение Мурата к ней самой. Она пыталась завязать с ним разговор, пока он крутился рядом, снаряжая её на прогулку, но не добилась даже односложных ответов; взгляд у него стал ещё более настороженным, чем утром – и в какой-то момент Майя поняла: да он же просто боится! Как будто кто-то сказал ему, что она – опасная женщина, к которой лучше не приближаться... вот как это выглядело! Связан ли страх Мурата с «полтергейстом», оставалось только гадать. Мальчишка, конечно, всей душой предан Нури и вряд ли ввязался бы в сомнительную авантюру без его одобрения. Но, кроме Нури, есть ещё Мадина, на которую её жених тоже смотрит снизу вверх. А с Мاديной пока совсем ничего не ясно.

– У вас отлично выходит! – вмешался в Майины размышления наблюдавший за ней Артём, когда она в очередной раз проехала мимо. – По-моему, можно отправляться. Как думаете, Нури?

– Думаю, можно, – отозвался егерь от дверей конюшни.

– Как скажете! – Майя улыбнулась и заправила за уши выпавшие из пучка пряди. – Погодите только, я возьму тёмные очки, – полуденное солнце, даром, что октябрьское, светило очень ярко.

Артём помог ей спешиться, и она побежала в номер.

А там её ожидал очередной сюрприз. Отыскивая взглядом очки, она заметила, что коробка с красками и папка с рисунками лежат совсем не так, как были оставлены. Пары секунд хватило, чтобы убедиться: брошенные на журнальном столике принадлежности для рисования не только «сами собой» поменяли местоположение, но и изрядно уменьшились в количестве. Майя поняла, что лишилась самой тонкой и самой толстой кисточек, а заодно и желтых красок всех оттенков – золотистых, рыжеватых и охристых, названия которых – «индийская», «неаполитанская», «тициановая» – звучали для неё, как музыка.

* * *

– Так и живём, – покачал головой Артём несколько минут спустя, когда она рассказала ему о случившемся. – У нас всё время что-нибудь теряется в номерах, а потом находится где попало – помните, я рассказывал?

– Помню, конечно, – кивнула она.

Они неспешным шагом ехали через лес, и на лошади она чувствовала себя уже достаточно уверенно, чтобы поддерживать разговор.

– Не расстраивайтесь, Майя Михайловна, – вздохнул администратор. – Ваша краски и кисточки скоро к вам вернутся.

– Да я не расстраиваюсь, что вы, – улыбнулась она. – То есть я, конечно, буду ждать их возвращения. Но, если честно, я даже рада, что они исчезли именно теперь.

Артём посмотрел на неё вопросительно.

– Потому что теперь я могу точно сказать, кто из персонала «Сердца гор» непричастен к такого рода шалостям. По крайней мере, к сегодняшней шалости... но я пока исхожу из того, что наш шалунишка действует в одиночку.

– И кто же? – поинтересовался было он, но тут же сообразил: – А, понятно: Нури и Мурат. Ваши вещи пропали как раз тогда, когда вы были на заднем дворе. А эти двое постоянно маячили перед глазами.

– Верно, – подтвердила Майя. – Так что у них есть алиби. Тамары в доме нет; Натэлла, я думаю, вне подозрений...

– Был бы удар под дых, оказался это Натэлла... – буркнул Артём.

– Не волнуйтесь – это не она. Насколько я могу судить, ваша повариха очень привязана и к «Сердцу гор», и к вам лично. А кстати, мне теперь известно, почему она больше не ждёт в гости Вахтанга.

– Почему?

– Он что-то натворил – как она выразилась, «опозорил семью». Бедняжка о нём и слышать больше не желает.

Майин спутник поморщился:

– Неудивительно. Всё к тому и шло.

– Я попросила коллег навести справки. Так... на всякий случай. Хочу узнать, не впутался ли Вахтанг в какой-нибудь криминал. Ещё я выяснила, который из Юриев Федюхиных пытался перекупить дом у вашего дяди, – Майя пересказала Артёму всё, что узнала от Чулпан, и заключила: – Непонятно пока только одно: доктор Федюхин до сих пор носит с идеей устроить свою лечебницу именно здесь – или всё-таки подыскал другое место? Но, надеюсь, ответ на этот вопрос мы скоро получим.

– Как много вы уже успели, Майя Михайловна! – восхитился Артём. – А мне особо нечем похвастаться. Я перерыл всю свою базу – пытался найти хоть какие-нибудь привязки к Ростову. Без толку! Кроме Анжелы и Валентина, никаких намёток.

– Жаль, конечно... но ничего не поделаешь. Шут с ним, с Ростовом, свет клином у нас на нём не сошёлся. На самом деле, подозреваемых осталось мало. Ведь если ко мне в номер

сегодня наведались не Натэлла, не Тамара, не Нури и не Мурат – значит, это сделали Мадина или Павлик, согласны?

– Согласен, – с задумчивым видом покивал он.

– Нури, впрочем, в алиби и не нуждается. Он чрезвычайно доволен своей нынешней жизнью и не станет её рушить. Можно, конечно, предположить, что Нури – исполнитель, которому заказчик пообещал, что гостевой дом не закроется, а всего лишь поменяет владельца, и для самого Нури всё останется как есть. Но ваш егерь слишком давно живёт на свете, чтобы верить подобным обещаниям. А вот Мурат...

– Что Мурат? – поднял тёмные брови Артём.

– Он меня боится, вы заметили? Я обменялась с ним всего парой слов и ничем его не обидела. Стало быть, он заранее узнал обо мне что-то такое, что его пугает. Репутации капризной клиентки, которой невозможно угодить, у меня, наверное, нет?

– Разумеется, нет!

– Зато у меня есть репутация человека, который видит и понимает больше других. И ещё я работаю в МВД. Иными словами, бояться меня может тот, кто не в ладу с законом... или тот, кому просто есть, что скрывать.

– Насчёт проблем с законом – вряд ли... – помолчав, протянул управляющий. – Мурат всю жизнь живёт в своей деревне, ни в чём криминальном замечен вроде бы не был. Я наводил о нём справки, прежде чем взять к себе. Видимо, правильная – вторая версия. Ему просто есть, что скрывать.

– Причём, имейте в виду... совсем не обязательно, что сам он это осознаёт. Мурат, мне кажется, парень простодушный – ненароком может ляпнуть что-нибудь лишнее. Поэтому, возможно, его напугали намеренно – наплели небылиц, дабы он от меня шарахался и не болтал.

«Ведьма. Вы ведьма!» – всплыло в Майиной памяти услышанное зимой от Нури.

– И кто, по-вашему, мог... наплести? – уточнил Артём.

– Понятия не имею. Кто угодно! Неясно даже, имеет ли это отношение к событиям, из-за которых я сюда приехала.

– Лично я, во всяком случае, говорил ему только о том, что вы – моя гостья и что он должен выполнять любые ваши просьбы, а если не имеет возможности – сообщать мне.

Артём устремил взгляд на дорогу, лицо у него было напряжённое. «Он знает гораздо больше, чем хочет показать!» – в очередной раз подумала Майя.

Глава 5. Удержаться на краю

Оставшуюся часть пути о деле они не говорили, да, пожалуй, даже и не думали. Майя, по крайней мере, точно не думала – наслаждалась прогулкой. Сначала она любовалась волшебным кружевом теней, расстеленным на дороге, дышала густыми и тёплыми запахами южного леса. Но вскоре лес закончился, и справа потянулось ущелье, от красоты и величия которого стало тесно в груди. Прежде Майя видела это ущелье только из машины, и тогда оно не производило настолько яркого впечатления. Вершины лесистых гор, чуть сбрызнутых багрянцем и золотом, нежились под солнцем; подножия прятались в прохладном изумрудном сумраке; дальние склоны укрывала лёгкая лазоревая дымка. Ощущение огромности мира – такое острое, какое бывает только в горах – охватило Майю целиком. Сама себе она казалась пятнышком краски на большом полотне – но не кляксой, сорвавшейся с кисти художника, а полноправной частью общей картины.

Артём ехал рядом, то и дело бросая внимательные взгляды на свою гостью – проверял, по-прежнему ли ей комфортно в седле. Майя сначала улыбалась в ответ – всё, мол, в порядке! – а потом перестала. Поглощённая восторженным созерцанием, она почти забыла, что не одна, и даже вздрогнула, услышав жизнерадостный голос:

– Майя Михайловна, какая вы молодчина! Я за вас уже совсем спокоен.

– Спасибо, Артём! – откликнулась она, помолчав – не сразу сообразила, что он имеет в виду то, как она управляет с лошадыю.

– Я вперёд проеду, если вы не против. Ему нужно размяться, – управляющий потрепал своего коня по холке.

– Застоялся, бедолажка! – посочувствовала Майя. – Езжайте, какой разговор.

– Пошёл! – негромко приказал Артём, толкнулся пятками в упругие лошадиные бока; Гучар всхрапнул и, не мешкая, сорвался в галоп.

Аида прибавила было скорости вслед за жеребцом, но покладисто притормозила, стоило Майе потянуть на себя уздечку.

Метров через двести, там, где дорога, словно чего-то пугаясь, резко петляла влево, Артём развернул коня и поскакал назад. Оказалось, верхом он ездит так же умело, как плавает – любого дорого посмотреть! Блаженство, разлитое по его румяной физиономии, намекало, что садиться в седло ему приходится не намного чаще, чем окунаться в морскую воду, и Майе на миг стало жалко парня – чутьё подсказывало ей, что он ведёт не самый подходящий для него и не самый желанный образ жизни.

Встретившись с Майей и помахав ей рукой, Артём опять развернулся и устремился вперёд – так и носился «челноком» туда и обратно почти до самого «Приюта в поднебесье». «Надо же, а он ведь совсем не красуется! – отметила она, в очередной раз провожая взглядом перевёрнутую трапецию его широкой спины, обтянутой белой футболкой. – Девять мужчин из десяти не упустили бы возможности распушить хвост перед дамой. А этот коня прогуливает, и только...» Отсутствие рисовки ей импонировало.

По правде говоря, Майе было сейчас по душе абсолютно всё: и то, что ей хватило храбрости на верховую прогулку; и как удобно прижимаются к сильному Аириному телу её колени; и сама Аира, умничка и красotka; и головокружительная панорама проплывающего мимо ущелья; и бережное осеннее солнце; и, разумеется, спокойный и ненавязчивый спутник, с которым легко не только говорить, но и молчать.

«Да, – сказала себе она, – приехать сюда было прекрасным решением!»

Чем бы она сейчас занималась в Москве? Металась из угла в угол, страдая, что не звонит Вадим. Дозванивалась до него сама и, конечно, рано или поздно дозвонилась бы, чтобы затем мучительно перекачивать в памяти фальшивые ноты в голосе мужа. На работе, наверное, все

разговоры были бы только о предстоящем ей повышении, и каждое слово коллег уколom бы отзывалось в Майином сердце. Потому что человеком, который сильнее всех болел за неё, сильнее всех радовался её успехам, до сих пор был Вадим. Именно он десять лет назад убедил её принять приглашение на работу в экспертном центре МВД. «Я не справлюсь, Вадик! – повторяла тогда Майя. – Ты только представь, с какими ужасными вещами мне придётся там иметь дело. И с какими тяжёлыми людьми. Я не справлюсь!..» «Справишься, Маюш, – отвечал муж. – Обязательно справишься. Ты гораздо сильнее, чем сама думаешь! Зато будешь чувствовать, что занята настоящим делом, и сможешь себя проявить».

И она согласилась. И справилась. И ни разу о своём согласии не пожалела. Но рядом всегда был он – гордился ею, поддерживал её и хвалил. «Как я буду жить, когда некому станет – хвалить и гордиться?..» – похолодела Майя, но тут же тряхнула головой, отгоняя горькие мысли. Потом. Всё потом. Сейчас она будет радоваться тому, что есть – радоваться и запоминать, чтобы позднее, сырой и серой московской зимой, согреться воспоминаниями.

За деревней дорога распадалась на две части. Правая, Майе хорошо знакомая, через тоннель уходила на побережье, а оттуда – к российской границе. Левая ныряла в узкую расщелину. На указателе значилось: «Мини-отель – 400 метров».

– Ну вот, почти приехали, – объявил Артем.

Гучар перешёл на шаг, и к «Приюту в поднебесье» визитёры прибыли вместе.

* * *

Забор, более высокий, чем у «Сердца гор», на первый взгляд, казался возведённым из камня на манер крепостной стены, но при ближайшем рассмотрении стало понятно, что это просто имитация. Над забором виднелись две островерхих башенки с терракотовыми черепичными крышами – черепица, впрочем, наверняка тоже была бутафорская. Артём позвонил в домофон, и ворота открылись. Заезжая в них, Майя думала, что увидит подобие замка, но оказалось, что на замок здание похоже только верхней частью, с башенками, узкими стрельчатыми окнами и полукруглыми балкончиками, а нижняя выглядит вполне современно. Такая эклектика показалась Майе довольно безвкусной, однако несложно было представить себе туристов, которые сочтут её симпатичной и забавной. Стены дома, по большей части, покрывала белая штукатурка; кое-где она как будто облупилась, обнажив бурую каменную кладку. От ворот к широкому крыльцу с деревянными перилами вела дорожка, вымощенная круглыми булыжниками. Осмотревшись, Майя утвердилась в мысли, что и камни, и даже дерево здесь искусственные – поскреби, и под слоем краски обнаружишь дешёвый пластик.

Единственное, что она увидела настоящее – цветник по обеим сторонам дорожки, красочный, пышный, благоухающий. И правда, местная достопримечательность, подумала Майя, решив непременно рассмотреть его поближе. Над цветами переливались радугой водяные веера автополива.

Артём ловко соскочил на землю и подставил ей руку. Когда она спешила, привязал лошадей – у ворот было устроено нечто вроде коновязи – и, поманив Майю за собой, зашагал к крыльцу, с которого им навстречу сбежала худощавая молодая женщина невысокого роста, с ярко-рыжими крашеными волосами.

– Артём-омчик! Сколько лет, сколько зим! – подходя, пропела рыжая – и добавила с кокетливой укоризной: – Знаю-знаю, ты хотел, чтобы я успела соскучиться!

Артём улыбнулся:

– Привет! Я только вчера вернулся. Ездил на «Отель-Интер» – помнишь, я говорил?

– Разумеется, помню. Выставка. Но я не думала, что она будет такой длинной, – наманикюренными пальчиками девица пробежала снизу вверх по его предплечью.

– Могли бы и побыстрее справиться, ей-богу. Растянули почти на неделю... причём самыми интересными были последние два дня.

– Какие хитренькие! Специально так сделали, чтобы народ не умотал раньше времени. А ты и клюнул, дурачок! – она хихикнула, но в ту же секунду поменяла тон на деловой: – С кем говорил? Что видел? Расскажешь?

– Непременно, – пообещал Артём, после чего перевёл глаза на свою спутницу: – Знакомьтесь, это Алла, администратор «Приюта в поднебесье».

– Я догадалась, – кивнула Майя. – Очень приятно, Алла.

– Алла, это Майя Михайловна, наша... постоянная клиентка.

– Здравствуйте! – холодно-важно проговорила рыжая и без малейшего стеснения окинула Майю по-женски оценивающим взглядом. – Вы из Москвы?

– Угу. Решила отвлечься от осени.

– Чудесное решение! – огонёк внимания в серо-голубых глазах погас – похоже, результаты осмотра Аллу удовлетворили, соперницы в Майе она не увидела. – Так, значит, Артём расхваливал мои цветы... и вы изъявили желание их увидеть.

– Совершенно верно. Цветник у вас, и правда, необыкновенный, это я уже заметила.

– Спасибо! – вспыхнула улыбкой Алла.

Это слово и эта улыбка стали первыми проявлениями искренности в Аллином исполнении, какие Майе удалось заметить. Всё остальное выглядело игрой... впрочем, игрой вдохновенной и качественной.

– Давай, мы сначала передохнём с дороги, а потом ты устроишь нам экскурсию? – предложил Артём.

– Передохнуть – это обязательно! – девица решительно ухватила его под руку и потянула в дом. – Я вас и накормить могу, если хотите.

– Майя Михайловна?.. – Артём посмотрел вопросительно.

– Спасибо, я не голодна, – «изменить» Натэлле Майя не планировала.

– Тогда хоть по бокальчику – вы же не на машине! – не оборачиваясь, воскликнула Алла, и все трое двинулись к крыльцу.

За цветником, возле самого дома, обнаружился бассейн – не надувной, как в «Сердце гор», а полноценный, хоть и крошечный. Возле бассейна было пусто.

– Много у тебя сейчас гостей? – поинтересовался Артём.

– Полно! – повела худощавым плечиком хозяйка. – У меня, Артёмчик, мало гостей не бывает, ты же знаешь. Сейчас все на пляже, к обеду явятся – автобус за ними уже ушёл, – не выпуская его локтя, она полезла в боковой карман длинных джинсовых шортов, в которые была одета, достала телефон и посмотрела на часы. – Минут через пятнадцать тут расшумятся, как в психушке.

Помимо шортов, на Алле был облегающий ярко-зелёный топик с глубоким вырезом, подчёркивающим высокую и пышную грудь. Очертания и размер груди резко контрастировали с Аллиным щуплым телосложением и наводили на мысль о её ненатуральности. В целом же, Алла производила впечатление женщины, переоценивающей собственную внешность. У неё были некрасивые и недлинные ноги, слишком широкая талия, слишком тонкие руки, выпирающие ключицы и мелкие, невыразительные черты лица в обрамлении коротко стриженных, пережжённых краской волос. Но держалась она так, словно считала себя неотразимой. Майя знала, что на многих мужчин это действует гипнотически. Посматривая искоса на Артёма, она задавалась вопросом, поддаётся ли такому гипнозу и он – но, к немалому своему изумлению, ответа на находила!

Про Аллу ей всё стало ясно в первые же минуты знакомства. Шустрая, энергичная и, вероятно, склонная к авантюрам особа. Не столько умная, сколько хваткая и знающая, что ей выгодно. Стремящаяся затянуть в свои сети любого потенциально полезного представителя

противоположного пола. Коллега из соседнего заведения, определённо, попадал в категорию «потенциально полезных», поэтому Алла встречала его во всеоружии. И Майя нисколько бы не удивилась, если бы выяснилось, что именно в Аллу Артём и влюбился – хотя, пожалуй, была бы слегка разочарована тем, какой у него незатейливый вкус.

Пока же приходилось теряться в догадках. С того момента, как управляющая «Приюта в поднебесье» появилась на крыльце, Артём закрылся... захлопнулся, как шкатулка с секретом – и, похоже, сделал это намеренно. На кокетливые интонации и прикосновения Аллы он реагировал со спокойным дружелюбием – не поощрял её, но и не отталкивал. Майя чувствовала, что спокойствие – только внешнее, но какие эмоции за ним прячутся, определить не могла. А кроме того, не понимала, для кого из них – для Аллы или для неё самой – Артём разыгрывает свой спектакль.

В доме было прохладно и сумрачно, пахло едой и – чуть заметно – какой-то бытовой химией. Алла провела визитёров в просторную полукруглую комнату слева от входа. Эта комната, окна которой смотрели прямо на цветник, произвела на Майю приятное впечатление. Здесь были два жёлтых кожаных дивана, мягких даже на вид, низкий стеклянный стол между ними, телевизор и маленький детский уголок. На один из диванов Алла усадила Майю, на другой – Артёма. Отлучилась на полминуты и вернулась, неся на подносе кувшин в соломенной оплётке, бокалы и тарелку с конфетами. Проворно расставила всё это на столе и, закинув ногу на ногу, уселась на подлокотник дивана рядом с Артёмом – всем своим видом теперь показывала, что обязанности гостеприимной хозяйки считает выполненными.

– Поухаживай за дамами, Артёмчик, – попросила Алла.

Рука её взметнулась было в его сторону, но замерла на полпути и возвратилась обратно. Не будь здесь посторонних, девица привычным движением взъерошила бы ему волосы, догадалась Майя.

– Как я могу не поухаживать? – хмыкнул Артём и взялся за кувшин.

Вино оказалось и в половину не таким вкусным, как в «Сердце гор» – кисловатым и слабым, но, в общем, пригодным к употреблению. Конфеты – обычными, магазинным, известной московской фабрики. Майя вежливо похвалила угощение, откинулась на спинку дивана, прикрыла глаза и принялась, потягивая напиток, из-под ресниц наблюдать за молодыми людьми, сидящими напротив неё – благо, у них сразу же завязался разговор о выставке, в котором ей совершенно не обязательно было участвовать. Она всё надеялась заглянуть в «шкатулку», в которую так неожиданно и странно превратился Артём – но «крышка» держалась крепко! Алла пустила в ход весь свой арсенал – бедром она как будто невзначай задевала своего собеседника, внимала ему, распахнув глаза и затаив дыхание, восторгалась его умом и умением вести дела. Артём притворялся, что не замечает, и неизменно ровным голосом отвечал на её вопросы.

Майя уже совсем утвердилась в мысли, что не увидит ничего полезного, и решила, что нужно заканчивать посиделки и переходить к осмотру цветника, когда снаружи раздался гомон – в отель вернулись отдыхающие. Дом и двор ожили, наполняясь звуками. Кто-то очень маленький с блаженным визгом проскакал вверх по лестнице. Кто-то очень большой громогласно поинтересовался, скоро ли обед. А кто-то очень недовольный не менее громогласно потребовал администратора.

– Вот гадство! Что там ещё случилось? – раздражённо буркнула Алла и вскочила. – Пойду узнаю, извините.

Она торопливо вышла и плотно закрыла за собой дверь. На спинке дивана остался лежать её мобильный – вероятно, ей неудобно было сидеть с телефоном в кармане, пришлось вытащить. Майя поймала взглядом блеснувший экран, и вдруг её осенило!

– Артём! – подавшись вперёд, чуть слышно произнесла она. – Вы можете пойти за Аллой и задержать её где-нибудь минут на десять?

– Могу, наверное, – чуть удивлённо отозвался он. – А зачем?

Она кивнула на мобильный:

– Хочу в него заглянуть. Конечно, если вы не против.

Парень приподнял брови:

– Почему я должен быть против? – и, больше ничего не говоря, покинул комнату.

Цель у Майи была двоякая. С одной стороны, она, действительно, рассчитывала найти что-нибудь ценное для расследования среди Аллиных сообщений и контактов. С другой, собиралась подсмотреть, как Артём будет держать себя с девушкой, уверенный, что за ним не наблюдают.

Прислушиваясь к шуму за дверью – постоялица с неприятным высоким голосом бурно возмущалась тем, что в её номере «уже в который раз» не вынесли мусор и плохо вымыли пол, а управляющая не слишком успешно пыталась её успокоить, – Майя аккуратно взяла телефон и включила его. Пароля он не потребовал.

На экране в качестве фона красовалась фотография самой Аллы, валяющейся на песчаном берегу нездешнего моря. В списке недавних вызовов имена и фамилии чередовались со словами, в которых Майя опознала прозвища: Полметра в прыжке, Мымра старая, Принц, Чучело... Имена и фамилии, по всей видимости, принадлежали клиентам, прозвища – людям, с которыми владелица телефона общалась постоянно. Номер «Принца» показался Майе знакомым; так и есть, это Артём, поняла она, сверившись с собственной записной книжкой. Артём и Алла перезванивались каждые два-три дня, долгих разговоров не вели и совсем друг другу не писали. Среди тех, с кем Алла активно обменивалась сообщениями, Майины глаза сразу выхватили Усатую и Пупсика. В том, что первая – это Мадина, сомневаться не приходилось; в том, что второй – это Павлик, такой уверенности не было, но уточнить стоило. Майя переписала номера телефонов и пробежала глазами ленты сообщений. Ей снова будет, о чём рассказать «заказчику», и она опасалась, что сегодняшние новости его расстроят.

За дверью стало тихо, но Алла не возвращалась – стало быть, в игру вступил Артём. Майя ещё немного покопалась в списке контактов, однако больше зацепиться было не за что: знакомых фамилий не нашлось, а все остальные прозвища ни с кем у неё не ассоциировались. Она погасила экран, вернула телефон на место и подошла к окну, надеясь, что парочка не стала задерживаться в доме.

Так и оказалось.

Артём и Алла стояли поодаль, у бассейна. Молодой человек что-то говорил. Девушка, смотревшаяся рядом с ним совсем малышкой, слушала, запрокинув голову, и норовила прижаться к нему своим сногшибательным бюстом, а он придерживал её за плечико – то ли обнимал, то ли вынуждал сохранять дистанцию. Поначалу Артём выглядел таким же невозмутимым, как раньше. Но стоило Алле на мгновение опустить голову и перестать на него таращиться – и румяное, жизнерадостное его лицо исказилось в страдальческой гримасе.

«Ага! – обрадовалась Майя, – выходит, маскарад предназначен не для меня, а для Аллы!» Досматривать сценку она не стала, пожалела Артёма – тет-а-тет с управляющей «Приюта в поднебесье», определённо, не доставлял ему удовольствия. То ли он отдавал себе отчёт, что она фальшивит, и, в таком случае, мог с равным успехом испытывать неприязнь к ней – и злиться на самого себя за неуместное к ней влечение. То ли принимал всё за чистую монету и, ничего не чувствуя в ответ, старался смягчить ситуацию. Короче говоря, версий происходящего у Майи было несколько. Но для того, чтобы выбрать верную, требовалось сначала понять, осознаёт ли Артём, что Алла морочит ему голову – и, к счастью, выяснить это без лишних ухищрений можно было у него самого.

Убедившись, что мобильный Аллы лежит так, как был ею оставлен, Майя вышла из дома и, спускаясь с крыльца, объявила, что уже достаточно отдохнула и хочет заняться тем, за чем приехала – полюбоваться на Аллино детище и поснимать цветочки. Следующие полчаса она

не без приятности бродила между клумбами, слушала Аллу, сыпавшую названиями сортов, и, действительно, фотографировала. «Что называется, почувствуйте разницу, – иронично думала Майя, наблюдая за раскрасневшейся от восторга, сверкающей глазами Аллой. – Будь она моей подружкой, я бы ей непременно посоветовала избегать разговоров о цветоводстве с мужчинами, которых она собирается обольстить!»

Когда экскурсия закончилась, Алла опять предложила пообедать. Артём посмотрел на Майю, та повела подбородком: решайте, мол, сами! – и он отказался, сославшись на дела. В том, что он откажется, Майя не сомневалась – терпение у молодого человека было на пределе. И они пустились в обратный путь.

* * *

До ущелья ехали молча. Артём смотрел вдаль и думал о чём-то своём, лицо у него было измученное. Майя прикидывала, как выстроить разговор. Перво-наперво, пожалуй, нужно разобраться с тем, как он относится к Алле... а потом уже делиться информацией, полученной из её телефона.

– Дождь будет, – прерывая молчание, проговорил, наконец, Артём. – Смотрите, какие тучи!

Небо над горами, действительно, начинало темнеть.

– Как думаете, успеем доехать? – отозвалась Майя.

– Успеем, если нигде не задержимся, – пообещал он. – Вообще-то я думал показать вам наше с Аллой строительство... горнолыжная трасса у наших гостиниц будет общая – я, кажется, говорил...

– Говорили.

– Но, наверное, сегодня мы туда уже не поедем.

– Конечно, не поедем. Давайте поторопимся... у меня нет ни малейшего желания промокнуть под дождём.

Верховая прогулка, на поверку, оказалась делом довольно утомительным, да и общение с Аллой сил не прибавило. Но признаваться в том, что устала, Майя не захотела.

Они немного увеличили скорость. Лошади словно только того и ждали; они казались встревоженными – должно быть, чуяли приближение непогоды. Артём и Майя помолчали ещё с минуту – и заговорили одновременно.

– Ну как, Майя Михайловна, удалось что-нибудь выяснить? – поинтересовался он.

– Много ли вам известно об Алле, Артём? – поинтересовалась она.

Оба засмеялись, а потом Майя попросила:

– Давайте, вы первый мне ответите. У меня есть, что вам рассказать, но не хватает информации, чтобы делать выводы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.